

ВЛАДИМИР БРИЛЕВ

СЕРЁГА
И
ЧЁРТОВО ЦАРСТВО

КНИГА ПЕРВАЯ. НЕ ТОТ ЛЕС

Владимир Брилев

Серёга и чёртово царство

<https://litres.ru/74322954>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сергею Синицыну тридцать пять. У него работа, жена, редкие выходные и одна простая мечта — хотя бы иногда пожить для себя.

Но вместо рыбалки он получает семейную ссору, поездку к родственникам и дорогу, которой не должно существовать. Машина глохнет посреди незнакомого леса, связь исчезает, а из чащи доносится странный смех.

Серёга идёт посмотреть, кто там такой весёлый, и оказывается в мире, где его появления ждали заранее.

Теперь вокруг него — крепость Грейн, ведьмы, древние тайны и опасные силы. А где-то по другую сторону осталась Лена, и чем дальше он идёт, тем меньше понимает, кем на самом деле была женщина, с которой он прожил двенадцать лет.

Мрачное фэнтези с мистикой, живыми диалогами, русской бытовой интонацией и героем, который вообще-то просто собирался на рыбалку.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Единственный выходной	5
Глава 2. Дорога к тёще	18
Глава 3. Смех в чаще	40
Глава 4. Те, кто ждали	52
Глава 5. Крепость на сером холме	71
Глава 6. Николай из Тулы и первый вечер в Грейне	88
Глава 7. Двор, меч и Бран	105
Глава 8. Вечер, которого лучше бы не было	118
Глава 9. Ночь после ведьмы	134
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Владимир Брилев

Серёга и чёртово царство

Глава

Серёга и чёртово царство
Книга первая. Не тот лес

Глава 1. Единственный выходной

Сергей Алексеевич Синицын проснулся в шесть утра не потому, что выспался, а потому, что счастье, как выяснилось к тридцати пяти годам, бывает нервным.

Когда человеку двадцать, он умеет радоваться широко, глупо и с запасом на будущее. Когда человеку тридцать пять, радость обычно приходит осторожно, будто заранее понимает: сейчас её либо сглазят, либо попросят заодно заняться чем-нибудь полезным.

А у Сергея Алексеевича повод для этой осторожной радости был более чем уважительный.

Рыбалка.

Не абстрактная “надо бы выбраться”, не разговоры на кухне под чай и не обещание самому себе “в следующие выходные точно”. Настоящая. Запланированная. Подготовленная. Почти выстраданная. Его единственный за неделю выходной должен был наконец пройти так, как ему хотелось, а не так, как складывалась чужая срочность.

С вечера он собрал снасти, дважды проверил термос, в третий раз — наживку, прикинул погоду, мысленно поговорил с дорогой, с озером, с карасями и отдельно с судьбой. Судьба, как ни странно, вела себя подозрительно тихо.

Это уже должно было насторожить.

Но Сергей Алексеевич, которого дома звали просто Се-

рёга, на работе — “Сергей Алексеевич”, а иногда и “Серёж, выручай”, решил, что имеет право хотя бы до семи утра побыть наивным человеком.

Он лежал на спине, смотрел в потолок и слушал квартиру.

Старая панельная двушка на третьем этаже жила своей привычной утренней жизнью ещё до того, как её обитатели окончательно просыпались. Где-то сверху тяжело прошли чьи-то шаги. У соседей справа коротко и зло кашлянул телевизор, который, судя по звуку, опять пытались включить не кнопкой, а характером. На кухне вздохнул холодильник. За окном по мокрому асфальту прошуршала машина.

Обычная жизнь.

Немного тесная.

Немного уставшая.

Немного надоевшая.

И при этом — своя.

Та самая, на которую человек ворчит каждый день, а потом внезапно оказывается, что любит её сильнее, чем думал.

Серёга повернул голову.

Рядом спала Лена.

Лицом к стене, завернувшись в одеяло так, будто оно было не тканью, а личной границей от всего мира. Виднелся только затылок, край щеки и светлая прядь волос, выбившаяся из наспех собранного на ночь хвоста.

С Леной они жили уже двенадцатый год.

Если бы кто-нибудь спросил Серёгу, счастливый ли у него

брак, он бы ответил не сразу. Не потому, что не знал. Просто к тридцати пяти годам слово “счастливый” начинает звучать как реклама слишком хорошего дивана: красиво, гладко, не совсем про реальность.

Брак у них был не киношный.

Они не целовались под музыку на кухне.

Не писали друг другу милых записок.

Не устраивали спонтанных ужинов при свечах, если, конечно, не считать романтикой жареную картошку, сериал и молчаливое согласие не обсуждать, кто опять оставил кружку в раковине.

Но у них была общая жизнь.

Квартира.

Работа.

Поездки к её матери.

Ссоры по мелочам.

Редкие хорошие вечера.

Одинаковые чашки.

Общие усталости.

Общие привычки.

И то странное, не особенно красивое, зато крепкое чувство, которое появляется, когда два человека слишком долго тянут один и тот же быт на двоих, чтобы потом вдруг стать друг другу случайными.

По крайней мере, Серёга так думал.

Он осторожно сел, стараясь не разбудить Лену, и опустил

ноги на холодный пол.

Пол оказался таким ледяным, будто на дворе был ноябрь, а не май.

— Вот так и простужаются на подходе к счастью, — пробормотал он себе под нос.

Он нащупал спортивные штаны, футболку, тихо поднялся и вышел из комнаты.

На кухне было серовато и спокойно.

За окном висело утро из тех, где солнце вроде бы числится по расписанию, но выходит на работу без энтузиазма. На подоконнике стоял пластиковый ящик с укропом, который Лена называла “моим огородом”, хотя там росло три бледных веточки и одна луковица с явной обидой на мир.

На столе с вечера уже лежали складной нож, хлеб, банка с червями в старой таре от сметаны и термос.

При виде термоса Серёге стало тепло почти по-настоящему.

Вот она — мужская цивилизация.

Вот она — подготовка.

Вот она — маленькая, но честная победа человека, которому всю неделю обещали “там на пять минут” и “ну ты же понимаешь, кроме тебя некому”.

Он поставил чайник, открыл холодильник, достал колбасу, сыр и помидоры и принялся собирать бутерброды с той сосредоточенностью, с какой некоторые люди собирают двигатель.

Рыбалка требовала уважения.

На работе этого, конечно, никто не понимал.

Для коллег Серёга был человеком надёжным, а значит — бесконечно используемым. Он работал начальником небольшого склада при сети магазинов автозапчастей. На бумаге — должность. По факту — человек, который знает, где всё лежит, кто что потерял, почему недосчитались коробки, где зависла поставка и кому нужно объяснить, что склад не размножает детали силой воли.

За последние годы он привык ко многому:

к переработкам,

к звонкам по вечерам,

к тому, что “пять минут” обычно превращаются в сорок,

и к тому, что выходной нужно не просто планировать, а отвоёвывать.

И именно поэтому сегодняшняя рыбалка была не просто рыбалкой.

Это была моральная победа над жизнью.

Он даже усмехнулся, наливая чай в кружку.

— Ну всё, карась, — сказал он тихо. — Держись. Я иду.

В этот момент в коридоре скрипнул пол.

Лена.

Она вошла на кухню в халате, сонная, бледная, с тем лицом, которое у всех женщин каким-то чудом одновременно означает “я только проснулась” и “я уже вижу, что сейчас начнётся какая-то ерунда”.

Серёга обернулся с бутербродом в руке.

— О, доброе утро. Чай будешь?

Она не ответила сразу.

Подошла к столу, села, провела ладонями по лицу и только потом сказала:

— Ты уже собрался?

— Ну да. Я же говорил.

— Угу.

Вот это “угу” ему не понравилось сразу.

Слишком короткое.

Слишком безжизненное.

Слишком похожее на начало неприятного разговора.

Он поставил кружку.

— Что?

Лена подняла глаза.

— Надо ехать к маме.

На кухне стало очень тихо.

Даже чайник, кажется, решил не вмешиваться в семейную драму.

Серёга моргнул.

— Сейчас?

— Да.

— Зачем?

— У неё давление. Она звонила ночью.

— А чего ты мне ночью не сказала?

— Ты спал.

— Ну раз спал, надо было разбудить. — Он тут же махнул рукой. — Нет, подожди. А скорую она вызвала?

— Говорит, вызвала. Но ты же её знаешь.

— Вот именно что знаю.

Он сел напротив, уже чувствуя, как внутри начинает подниматься знакомое семейное раздражение — то самое, которое всегда наполовину состоит из злости, а наполовину из усталости от того, что именно сейчас, именно в тот момент, когда у тебя наконец появилось что-то своё, жизнь приходит со срочной правкой.

— Лен, — сказал он уже тише, но жёстче. — Мы к ней ездили на прошлой неделе.

— Ну и что?

— И ничего. И позапрошлую тоже. И до этого. И каждый раз там “ой, срочно”, “ой, помогите”, “ой, надо приехать”. А в итоге или телевизор не показывает, или кран капает, или соседка хамка.

Лена смотрела на него спокойно.

Слишком спокойно.

— У неё давление, Серёж.

— А у меня, думаешь, сейчас что? Праздник в сосудах?

— Не начинай.

— А кто начинает? У меня один выходной. Один. Не “потом когда-нибудь”. Не “в следующие выходные”. Один. И мы опять едем в другой город по первому звонку?

— Это моя мать.

— Да я знаю, что это твоя мать. За двенадцать лет я, поверь, этот факт запомнил.

Она вздохнула.

Тихо.

Но так, что Серёга сразу понял: сейчас разговор пойдёт уже не про тещу, а про всё сразу.

— Ты всегда так, — сказала Лена. — Как будто тебя просят не помочь, а жизнь отдать.

— Да потому что всё всегда в последний момент!

— У людей бывают проблемы в последний момент.

— У людей — да. У твоей мамы проблемы по расписанию, когда мне куда-то надо.

— Перестань.

— А что перестань? Я неправду говорю?

Лена встала.

Вот это уже было нехорошо.

Когда женщина в споре встаёт, разговор обычно или сейчас выйдет на новый уровень, или скоро кто-то хлопнет дверью.

— Ты можешь один раз не делать из всего трагедию? — спросила она.

— Я? Это я делаю?

— Да, ты. Потому что тебе на рыбалку важнее, чем то, что у моей матери плохо с сердцем.

— Да не в рыбалке дело!

— А в чём?

— В том, что у меня вообще ничего своего нет, что нельзя было бы в любой момент сдвинуть! — Он тоже встал, уже понимая, что голос пошёл выше, чем надо, но остановиться не мог. — Всё время работа, всё время кому-то надо, всё время “Серёга, съезди”, “Серёга, помоги”, “Серёга, ты же можешь”. А если я один раз хочу просто посидеть у воды — это уже, значит, эгоизм?

Лена несколько секунд молчала.

Потом сказала очень устало:

— Иногда мне кажется, что ты живёшь так, будто тебе все всё время мешают.

Эта фраза попала точно.

И потому разозлила ещё сильнее.

— Да? А мне иногда кажется, что в этой семье моё “хочу” существует только до первого звонка твоей мамы.

— Не переводи всё на неё.

— А на кого переводить? На рыбу?

— Ты сейчас просто ищешь повод не ехать.

— Да я его даже не ищу! Он сам вот сидит напротив меня в халате и рассказывает, что мы опять обязаны срочно спасать мир в лице твоей мамы!

Лена посмотрела на него так, будто устала не за утро.

За годы.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Не надо делать вид, что это для меня удивительно.

Вот это уже было хуже крика.

Гораздо хуже.

Потому что тихое женское “хорошо” часто значит не согласие, а то, что человек внутренне уже записал что-то в отдельную папку под названием “ну вот, и это тоже”.

Серёга открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

Телефон Лены, лежавший на столе, завибрировал.

Она посмотрела на экран.

И Серёга сразу понял, кто там.

— Мама, — сказала Лена.

— Ну конечно.

Она ответила почти сразу.

— Да. Мам. Да, я встала... Нет, не выехали ещё... Да... да, понимаю...

Серёга отвернулся к окну.

Сжал пальцы на спинке стула.

Посмотрел на серое утро.

Рыбалка медленно, прямо у него на глазах, превращалась в воспоминание о несбывшемся счастье.

И дело было уже даже не в озере, не в снастях и не в термосе.

Дело было в чувстве, что его жизнь снова, как всегда, оказалась чем-то, что можно спокойно отодвинуть ради чужой срочности.

Лена закончила разговор.

Положила телефон.

Помолчала.

Потом сказала:

— Собирайся.

Он обернулся.

— Вот так просто?

— А как ещё?

— Не знаю. Может, хоть скажи, что тебе жаль.

— Мне жаль, — ответила Лена. — Но мы всё равно поедем.

И вот именно от этого спокойствия у него внутри что-то окончательно сорвалось.

— Да вы издеваетесь, — сказал Серёга. — Просто издеваетесь.

— Не ори.

— Я ещё не ору!

— Тогда не начинай.

— Да я уже, по-моему, давно должен был начать!

Лена закрыла глаза на секунду.

Потом открыла.

— Всё. Хватит. Ты едешь или нет?

Он смотрел на неё и понимал: если сейчас скажет “нет”, это уже будет не про тещу и не про рыбалку.

Это будет настоящая семейная трещина.

Такая, после которой люди могут ещё долго жить в одной квартире, но уже с другим воздухом между собой.

И всё равно внутри него всё орало:
не хочу.

Не ехать.

Не уступать.

Не быть опять удобным.

Хотя бы раз.

Хотя бы в этот чёртов выходной.

— Пять минут, — сказал он сквозь зубы.

Лена кивнула.

— Хорошо.

Она вышла с кухни.

А он остался стоять у стола, глядя на термос, бутерброды и банку с червями.

Потом очень медленно сел обратно.

Посидел несколько секунд.

Взял кружку с уже остывающим чаем.

Поставил обратно.

— Вот тебе и карась, — сказал он пустой кухне.

И почему-то именно в этот момент, среди серого утра, бутербродов, сырого асфальта за окном и злости, которая так и не нашла себе нормального выхода, Серёге вдруг стало очень нехорошо.

Не душевно.

Физически.

Как бывает за секунду до чего-то, что ещё не случилось, но уже вошло в твою жизнь.

Он нахмурился, прислушался к себе, потом мотнул головой.

— Да ну, — пробормотал он. — Только не начинай ещё и ты.

Но чувство не ушло.

Наоборот.

Стало чуть сильнее.

Как будто где-то очень далеко, за пределами этой кухни, панельного дома, мокрого двора и всей его обычной жизни, кто-то уже открыл дверь.

Глава 2. Дорога к теще

Сборы после ссоры всегда идут по-особенному.

Не быстро.

Не медленно.

А как-то зло и механически, будто человек не вещи в сумку кладёт, а складывает в пакет собственное испорченное настроение, чтобы потом везти его с собой через пол-области.

Именно так Серёга сейчас и собирался.

На кухонном столе лежали термос, бутерброды, банка с червями и коробка со снастями — немой, горький памятник тому, как у него сегодня всё должно было быть.

Он постоял над ними ещё секунд десять, потом решительно убрал коробку в кладовку, банку — на балкон, а термос всё-таки взял с собой.

Из чистого упрямства.

Не пропадать же добру.

— Хоть чай нормальный будет, — буркнул он.

В комнате Лена уже переоделась.

Джинсы, куртка, волосы собраны, лицо спокойное.

Это её спокойствие по-прежнему бесило.

Не потому что она делала что-то не так.

Потому что у него самого внутри до сих пор всё кипело, а рядом стоял человек, который уже перешёл в режим “надо ехать”.

— Ты долго ещё? — спросила она.

— А ты куда-то спешишь? — огрызнулся Серёга, застёгивая куртку.

— Да, Серёж. Представь себе, спешу.

— Ну конечно.

Он сунул ключи в карман, проверил телефон, кошелёк, документы и оглядел квартиру так, будто искал ещё один повод не выходить. Но квартира была к нему беспощадно равнодушна. Стены молчали, чайник остывал, кладовка скрывала снасти, а выходной окончательно превращался в поездку к теще.

— Поехали, — сказал он.

Лена молча взяла сумку.

Спустились по лестнице почти без слов.

В подъезде пахло кошками, влажной штукатуркой и чужими ужинами, хотя время для ужинов было ещё слишком раннее. На втором этаже чья-то дверь приоткрылась, мелькнула соседка в бигуди, окинула их цепким взглядом человека, живущего чужими новостями, и тут же исчезла обратно.

Во дворе стояла их машина.

Тёмно-серая “Шкода” не первой молодости, но ещё вполне бодрая, если с ней разговаривать уважительно, заливать нормальный бензин и не ждать чудес в морозы. Серёга относился к ней почти как к товарищу по несчастью: они оба много работали, мало отдыхали и лучше всего чувствовали себя, когда их никто не дёргал без причины.

Он сел за руль, вставил ключ, завёл двигатель и на секунду положил руки на руль, не трогаясь с места.

Лена уже пристегнулась и смотрела в окно.

— Ну? — сказала она.

— Да еду я, еду.

Он вырулил со двора.

Город в такое утро был серым, мокрым и раздражающе обычным. Магазины ещё не до конца проснулись, на остановках стояли люди с лицами, которые всем своим видом говорили, что им тоже не особенно нравится происходящее. У ларька с кофе курил таксист, недобро глядя на лужу под ногами, как будто та лично виновата в его судьбе.

Серёга ехал молча.

Не демонстративно.

Просто если бы он сейчас начал говорить, ничего хорошего бы не вышло. Либо опять вернулись бы к ссоре, либо пришлось бы делать вид, что всё уже нормально. А врать в обе стороны не хотелось.

Минут через десять Лена сказала:

— Я не специально.

Он сделал вид, что не понял.

— Что?

— Не специально сорвала тебе выходной.

Он усмехнулся.

Коротко.

Без радости.

— Да я уже заметил, у вас это всё как стихийное бедствие. Само случается.

— Серёга.

— Что Серёга? Я что, не прав?

Она вздохнула.

— Просто не надо так, будто я нарочно решила тебе всё испортить.

Он молчал несколько секунд, глядя на дорогу.

Потом сказал:

— Лен, давай честно. Ты всегда едешь к ней сразу. По любому звонку. По любому вздоху. По любому “что-то мне нехорошо”. Я уже не понимаю, где там действительно плохо, а где у неё просто настроение.

— Она одна.

— Она не одна. У неё полдома соседок, три подруги, участковая терапевтша, которой она звонит чаще, чем нам, и привычка драматизировать любой чих до уровня районной трагедии.

— Это моя мать.

— Да я понял уже! Ты мне это за утро третий раз говоришь, как будто у тебя других аргументов нет.

Лена повернула голову.

Посмотрела на него внимательно.

Не зло даже.

Скорее устало.

— А у тебя есть другие? Кроме рыбалки?

Это было нечестно.

Потому что дело давно уже было не в рыбалке.

Но именно слово “рыбалка” выглядело самым мелким и потому самым уязвимым.

Как будто она специально выбрала не “тебе нужен отдых” и не “у тебя не бывает своего времени”, а именно это — короткое, бытовое, почти глупое.

И оттого особенно обидное.

— Есть, — сказал Серёга. — Но, по-моему, ты их и так не очень слушаешь.

— Слушаю.

— Нет, не слушаешь. Ты просто уже решила, что мы едем, и всё.

Она отвернулась обратно к окну.

— Потому что мы правда едем.

И на этом разговор снова закончился.

Из города выбрались быстро.

Дальше пошла трасса — та самая, которую Серёга терпеть не мог в плохом настроении. Когда настроение нормальное, любая дорога — просто дорога. Когда внутри всё кипит, каждый грузовик начинает раздражать как личное оскорбление, каждая фура — как проявление мировой несправедливости, а каждый обгоняющий “гонщик” — как доказательство, что человечество недостойно техники.

Дождя не было, но небо висело низко и тяжело.

Асфальт поблёскивал влажно.

По обочинам тянулись грязноватые поля, редкие лесополосы и посёлки, похожие друг на друга как двоюродные родственники: магазин, шиномонтаж, церковь, две остановки, заборы, собаки, спутниковые тарелки на старых домах.

Тёща жила в другом городе, километрах в ста сорока от них.

Не на другом конце страны, конечно, но и не “рядом”.

Ровно на таком расстоянии, чтобы каждая поездка туда с утра до вечера съедала день подчистую.

— Ты ей звонила ещё? — спросил Серёга, когда они уже выехали на длинный прямой участок трассы.

— Да.

— И?

— Говорит, лучше не стало.

— Конечно говорит.

Лена резко повернулась к нему.

— Всё. Хватит.

— Что хватит?

— Хватит комментировать каждое слово про неё так, будто она тебе враг.

— Она мне не враг. Она мне... — Он помолчал, подбирая выражение. — Стихийное явление с претензиями.

Лена закрыла глаза.

Потёрла переносицу.

— Иногда я не понимаю, как ты вообще с людьми работаешь.

— Нормально я работаю с людьми.

— Угу. Очень чувствительно.

— Да у меня, между прочим, с чувствительностью всё в порядке. Просто я не люблю, когда мной распоряжаются как автобусом по вызову.

— Никто тобой не распоряжается.

Серёга даже повернул голову и посмотрел на неё так, что она сразу поняла: аргумент не засчитан.

— Лен.

— Что.

— Мы сейчас едем куда?

— К маме.

— По чьему решению?

Она ничего не ответила.

— Вот и всё, — сказал он.

После этого молчали долго.

Минут пятнадцать, может, двадцать.

Только мотор гудел ровно, да радио тихо бормотало новости, в которых всё было либо плохо, либо бессмысленно. Серёга в какой-то момент выключил его совсем. Без фона стало даже лучше.

Он сосредоточился на дороге.

Ехать он любил.

Если честно — даже очень.

Может, поэтому рыбалка всегда была для него не только про воду, поплавок и карасей, но и про путь туда, где тебя

несколько часов никто не дѣргает. Сел за руль, выбрал направление, включил музыку — и ты уже как будто чуть меньше принадлежишь всем остальным.

Сейчас, правда, это ощущение не работало.

Потому что направление было не его.

Он уже хотел притормозить у заправки впереди — выпить кофе, размяться, хоть немного сбить раздражение, — как Лена вдруг тихо сказала:

— Я не хотела, чтобы мы ссорились.

Он не сразу ответил.

— А я, думаешь, хотел?

— Нет.

— Ну вот.

Она провела пальцами по ремню сумки, лежавшей на коленях.

Старый её жест.

Нервный.

Еле заметный.

Серёга знал его давно.

— Просто ты в последнее время какой-то... — начала она.

— Какой?

— Всё время злой.

Это его задело.

Не потому что было совсем неправдой.

Потому что было сказано слишком просто.

— Отлично, — сказал он. — Просто замечательно. Зна-

чит, я у нас теперь ещё и злой.

— Я не так сказала.

— Так.

— Я имела в виду, что ты устаёшь.

— А, ну тогда конечно. Тогда это совсем другое дело.

Она снова вздохнула.

— Ты даже когда я пытаюсь нормально поговорить, всё равно всё переводишь в упрёк.

— Потому что ты говоришь так, будто я у нас проблема, а всё остальное — нет.

— Ты не проблема.

— Да? А кто? Твоя мама? Работа? Жизнь? Или просто звёзды плохо сошлись?

Она не ответила.

И опять стало тихо.

Серёга смотрел на дорогу и чувствовал, как раздражение понемногу смешивается с чем-то ещё.

Не виной.

Не жалостью.

С усталостью.

Потому что, если честно, Лена ведь тоже не выглядела человеком, который кайфует от происходящего. Бледная. Напряжённая. Молчит больше обычного. Не огрызается как обычно в ответ. И с этим её “я не хотела, чтобы мы ссорились” тоже было что-то не так — слишком серьёзно прозвучало для обычного семейного утра.

Он уже хотел сказать что-то спокойнее.

Например, что ладно, доедем, посмотрим, если там всё как обычно — развернутся сразу.

Но не успел.

Потому что в этот момент у него снова появилось то самое странное ощущение, которое мелькнуло утром на кухне.

Как будто что-то нехорошее очень далеко, но уже движется в его сторону.

На этот раз сильнее.

Он чуть напряг руки на руле.

— Что с тобой? — спросила Лена.

— Ничего.

— Ты побледнел.

— Да с чего бы.

— Серёга.

— Да всё нормально.

Он сам слышал, как неубедительно прозвучало это “нормально”.

Но и объяснить было нечего.

Не скажешь же жене: “Мне кажется, где-то за лесополосой сама реальность решила начать вести себя подозрительно”.

Ощущение длилось секунд пять.

Может, семь.

Потом отпустило.

Оставив после себя только лёгкий холодок между лопаток и очень неприятную мысль, что день ещё не начал по-насто-

ящему портиться.

— Может, кофе возьмём? — спросила Лена осторожнее прежнего.

Он покосился на придорожную заправку, которая как раз показалась впереди.

— Давай.

Свернули.

На заправке было пусто.

Два дальнбойщика курили у фуры, обсуждая что-то с таким видом, будто именно им сейчас доверили решить судьбу страны.

У входа в магазин стояла стойка с глупыми садовыми фигурками.

Внутри пахло кофе, резиной, сосисками и тем особым бензиновым теплом, которое бывает только в дорожных местах.

Серёга взял два кофе и хот-дог себе — из принципа.

Раз выходной уже испорчен, хотя бы еда должна быть без компромиссов.

Лена стояла у холодильника с водой, рассеянно рассматривая этикетки, будто и правда выбирала, а не просто пыталась не смотреть в его сторону.

— Тебе без сахара? — спросил он.

Она обернулась.

И на секунду её лицо стало почти прежним.

Не мягким даже.

Просто знакомым.

— Да.

Он протянул ей стакан.

— Держи.

— Спасибо.

— Не за что.

Вот так они и жили:

ссорились,

злились,

потом кто-то всё равно приносил другому кофе.

И не то чтобы это было великой романтикой.

Но иногда брак и держится на вещах гораздо менее красивых, чем принято показывать в фильмах.

Вышли на улицу.

Сели на лавку у боковой стены заправки, где не тянуло дымом от фур.

Несколько минут просто пили кофе.

Тёплый, сладковатый, не особенно хороший, но сейчас почти спасительный.

— Если там всё нормально, — сказал Серёга наконец, — мы долго не останемся.

Лена держала стакан обеими руками.

Потом кивнула.

— Хорошо.

— Нет, правда. Я не хочу ещё раз целый день слушать, как у неё телевизор шипит мистически или сосед сверху специ-

ально сверлит только по её нервам.

— Хорошо, Серёж.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты чего такая?

— Какая?

— Не знаю. Будто не здесь.

Лена помолчала.

Потом сказала:

— Просто плохо спала.

Это было похоже на правду.

Но не до конца.

Он почувствовал.

И уже хотел спросить ещё.

Не про мать.

Про неё саму.

Но в этот момент у въезда на заправку мелькнула странная машина — старая тёмная “Волга” с мутноватым лобовым стеклом. Она медленно въехала, прокатилась мимо них и почему-то не остановилась у колонок.

Просто проехала дальше, к дальнему краю стоянки, постояла несколько секунд и снова тронулась к выезду.

Серёга проводил её взглядом.

— Станный какой-то.

— Кто? — спросила Лена.

— Да вон, “Волга”. Видела?

Она обернулась.

Но машина уже выезжала на трассу.

— Нет.

— Ладно.

И всё же осадок остался.

Не из-за самой машины.

Из-за того, как она появилась и исчезла — тихо, без цели, будто не за бензином приезжала, а просто убедиться, что они действительно здесь.

Глупость, конечно.

Дорожная паранойя.

Человек злой, уставший, невыспавшийся — ещё и не такое придумает.

Но ощущение неправильности снова зацепилось внутри.

И на этот раз отпускать не спешило.

— Поехали, — сказал он.

Дальше трасса стала уже не такой оживлённой.

Фуры остались позади.

Машины попадались реже.

Лесополосы сменились настоящим лесом — сначала редким, потом плотнее. Дорога извивалась между тёмными соснами, мокрыми берёзами и холмами, которые в пасмурную погоду выглядели как-то особенно безрадостно.

Лена задремала минут на двадцать.

Голова у неё склонилась к окну.

Серёга поглядывал краем глаза, чтобы не ударились слишком сильно о стекло на кочках.

Вот ведь.

Как ни злись, как ни бесись, а привычка заботиться всё равно живёт отдельно от всех обид. Не героически. Не красиво. Просто есть — и всё.

Он снова подумал о рыбалке.

О том, что сейчас должен был бы уже сидеть где-нибудь на берегу с термосом, в тишине, с поплавком перед глазами и без единой живой души на километр вокруг.

И именно в эту секунду, когда он представил гладкую воду, в машине резко стало холоднее.

Не сильно.

На градус.

Но ощутимо.

Серёга нахмурился.

Повернул ручку печки.

Тёплый воздух шёл нормально.

Значит, не машина.

Лена проснулась.

— Что?

— Ничего. Замёрз что-то.

Она посмотрела вперёд.

Потом в окно.

Лес по сторонам стоял тёмный, плотный, неприветливый.

— Скоро поворот, — сказала она.

— Знаю.

Они ездили к её матери много раз.

Слишком много раз.

Путь был знаком до автоматизма:

трасса,

поворот направо,

потом двухполосная дорога через лес,

потом ещё посёлок,

мост,

заправка,

и только потом город.

И потому, когда мотор вдруг странно дёрнулся, Серёга сначала даже не поверил.

Один толчок.

Потом второй.

Потом приборка мигнула.

— Да ладно, — сказал он.

Машина ещё проехала метров сто, дёргаясь и теряя тягу, потом двигатель кашлянул так, будто от него требовали сверхчеловеческого подвига, и заглох.

— Только не это, — выдохнул Серёга.

Он выжал сцепление, вывел машину к обочине и остановился.

Тишина.

Неприятная, дорожная, сразу полная возможных расходов.

— Что случилось? — спросила Лена.

— Сейчас узнаем.

Он попытался завести снова.

Стартер крутил.

Двигатель не схватывал.

Ещё раз.

Ничего.

— Да твою ж...

— Может, не надо ругаться?

Он повернулся к ней так резко, что она сразу замолчала.

— А что надо? Песню спеть? У меня машина встала посреди леса, Лена.

Он открыл дверь, вышел на дорогу и сразу почувствовал, насколько здесь тихо.

Не просто “мало машин”.

Вообще тихо.

Слева лес.

Справа лес.

Асфальт.

Серая полоса неба.

И воздух какой-то плотный, влажный, будто после дождя, которого не было.

Серёга открыл капот.

На вид всё было как всегда.

То есть для человека, который понимает в машине на уровне “масло проверить могу, свечи видел, но лучше пусть этим занимается сервис”, всё выглядело одинаково загадочно и раздражающе.

Лена тоже вышла.

Встала рядом, обняв себя руками.

— Может, эвакуатор?

— Может, вертолёт, — мрачно сказал он. — Здесь сначала связь поймай.

Он достал телефон.

Одна палка.

Потом ноль.

— Конечно.

— У меня тоже плохо ловит, — сказала Лена, глядя в экран.

Серёга опёрся руками о край машины.

Глубоко вдохнул.

Медленно выдохнул.

Вот теперь день официально перешёл из категории “испорчен” в категорию “начал издеваться”.

— Ничего, — сказал он сам себе. — Спокойно. Сейчас посмотрим, поймаем, позвоним...

Он замолчал.

Потому что вдруг понял одну вещь.

Дорога была не той.

Он выпрямился.

Огляделся внимательнее.

Лес.

Да.

Поворот после трассы был.

Да.

Но сама дорога...

Слишком узкая.

Слишком пустая.

И он не помнил вот этого оврага слева.

И этих мшистых валунов у обочины тоже.

И сосны здесь стояли ближе к дороге, чем должны были.

Он медленно повернулся к Лене.

— Ты не замечаешь ничего странного?

Она нахмурилась.

Осмотрелась.

И по выражению её лица Серёга понял: замечает.

— Это не та дорога, — сказала она.

Вот теперь стало действительно нехорошо.

Потому что ошибиться здесь было сложно.

Они ездили к её матери десятки раз.

Маршрут въедался в память уже после пятой поездки, а после двадцатой человек бы доехал туда с завязанными глазами, ориентируясь по степени внутреннего раздражения.

— Как это не та? — спросил Серёга, сам слыша, как глупо звучит вопрос.

— Не знаю. Но не та.

Он оглядел дорогу снова.

Потом ещё раз.

Серый лес по обе стороны казался чужим.

Не страшным пока.

Но уже неправильным.

И именно в этот момент, где-то далеко впереди, за деревьями, слышался смех.

Тихий.

Высокий.

Непонятный.

Не совсем человеческий.

Но и не настолько чужой, чтобы сразу назвать его невозможным.

Лена вздрогнула.

— Ты слышал?

— Да.

Они замерли оба.

Смех повторился.

Совсем далеко.

Будто кто-то в лесу увидел их и почему-то очень обрадовался.

Серёга почувствовал, как по спине идёт холод.

Тот самый, с кухни.

С трассы.

С заправки.

Все эти странности наконец сошлись в одну точку.

Ему стало страшно.

По-настоящему.

Животно.

Глупо.

Как бывает, когда ещё ничего не произошло, но тело уже поняло то, что мозг отказывается признавать.

И, наверное, именно поэтому он почти сразу разозлился.

Потому что для многих мужчин злость — это самый быстрый способ не выглядеть в собственных глазах испуганным.

— Да ну, — сказал он громче, чем надо. — Кто-то шутит.

— Серёж...

— Да что “Серёж”? Кто-то в лесу ржёт, и всё. Может, местные. Может, малолетки.

— Здесь?

— А что здесь? Лес как лес.

Сам он уже слышал, что убеждает не её.

Себя.

Лена смотрела в сторону деревьев.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже, — резко сказал Серёга. — Но сидеть и ждать, пока машина сама починится, тоже идея так себе.

Смех донёсся в третий раз.

И теперь уже ближе.

Это и решило всё.

Страх внутри мгновенно закипел до злости.

Серёга захлопнул капот, сунул ключи в карман и сказал:

— Пойду посмотрю.

Лена сразу обернулась к нему.

— Куда?!

— Туда.

— Ты с ума сошёл?

— Да никто тут не сошёл. Кто-то решил, видимо, что очень смешно. Сейчас я ему объясню, что смешно, а что нет.

— Серёга, не надо.

— Да надо, Лена. Хватит уже. С утра всё через одно место, теперь ещё и лесной театр на выезде.

Он сам не до конца верил в ту уверенность, которой пытался звучать.

Но остановиться уже не мог.

Когда жизнь слишком долго и настойчиво унижает человека по мелочам, в какой-то момент он обязательно находит совсем не тот объект, на котором решает вернуть себе чувство контроля.

Лес был плохим выбором.

Но Серёга этого ещё не знал.

Он шагнул к обочине, в сторону тёмных деревьев, и оглянулся через плечо.

Лена стояла у машины, бледная, напряжённая, с телефоном в руке, который всё ещё не ловил связь.

— Я быстро, — сказал он.

Это была одна из тех фраз, после которых в хороших историях обычно всё и начинается.

Глава 3. Смех в чаще

Лес встретил его влажным холодом.

Не тем обычным майским холодком, который бывает по утрам между деревьями, пока солнце ещё не разобралось, за чем вообще вставать. Этот холод был плотнее. Сырым. Будто воздух здесь не просто стоял между стволами, а долго лежал под землёй, а потом его выпустили наружу.

Серёга шагнул с обочины на мягкую лесную подстилку и сразу почувствовал, как под ногами пружинит мох.

Позади осталась дорога, машина, Лена и хоть какая-то понятная жизнь. Впереди были сосны, тёмные стволы, влажные кусты и смех, который больше не повторялся. Словно тот, кто смеялся, уже добился нужного и теперь просто ждал, пойдёт ли к нему человек сам.

Серёга, конечно, не формулировал это так красиво.

Серёга думал проще.

Сейчас гляну, кто там такой весёлый.

Если местные — спрошу, где нормальная дорога.

Если придурки — объясню, что день у меня и без них не задался.

И главное — он старательно не думал о том, что боится.

Потому что если назвать страх правильно, он почему-то сразу становится реальнее.

Он оттолкнул низкую мокрую ветку, прошёл между двумя

соснами и оглянулся.

Машину уже почти не было видно. Только серый кусок крыши между стволами и Лена — маленькое неподвижное пятно у дороги.

— Никуда не уходи! — крикнул он.

— Серёга, не лезь далеко! — донеслось в ответ.

— Да я рядом!

Он и сам хотел в это верить.

Лес оказался гуще, чем выглядел с дороги. Вблизи деревья стояли не просто рядом — они как будто смыкались. Ветки цеплялись друг за друга, кусты лезли под ноги, корни выпирали из земли, точно старые жили. Под ногами чавкнуло. Где-то справа капнула вода.

Пахло мокрой корой, прелыми иголками, грибной сыростью и чем-то ещё — сладковатым, странным, неуместным в весеннем лесу.

Серёга остановился.

Прислушался.

Тишина.

— Ну и где ты? — сказал он вполголоса, сам не понимая, кого именно спрашивает.

Ответом ему стал новый звук.

Не смех.

Хруст ветки слева.

Он резко повернул голову.

Никого.

Только молодая берёза качнулась, и с неё осыпались капли.

— Очень смешно, — буркнул он уже менее уверенно. Ещё несколько шагов вперёд.

Потом ещё.

Лес начал меняться незаметно. Сначала Серёга просто отметил, что подлеска стало меньше, а деревья — старше. Потом увидел между стволами огромный валун, весь в зелёном мху, как спина спящего зверя. Потом ещё один. Потом понял, что идёт уже не просто по лесу, а будто по чему-то древнему, что лес давно пытался спрятать, но не смог до конца.

Тропа появилась неожиданно.

Узкая, почти заросшая, но всё-таки тропа. Не звериная. Человеческая. Слишком ровная, чтобы быть случайной, и слишком старая, чтобы вести к чему-то хорошему.

Серёга замер.

Вот это уже было странно.

Очень.

С дороги он никакой тропы не видел. Да и лес этот не выглядел местом, где люди ходят часто, а если и ходят, то не по делу, после которого остаётся хорошее настроение.

Надо было, наверное, повернуть назад.

Это была самая разумная мысль за последние минут десять.

Но разум, как назло, редко бывает самым громким внутренним голосом.

А у Серёги сейчас громче работало другое: злость, упрямство и то дурацкое мужское чувство, когда уже слишком далеко зашёл, чтобы вернуться без ответа и не ощущать себя идиотом.

— Ладно, — сказал он самому себе. — Глянул — и назад. Он ступил на тропу.

И почти сразу почувствовал, что здесь тише, чем должно быть.

Не “никого нет”.

Хуже.

Словно лес с обеих сторон тропы стоит и слушает.

Даже капли больше не падали.

Даже ветер, которого и так почти не было, здесь как будто не проходил.

Серёга шёл медленно, стараясь не шуметь, хотя сам не знал зачем. Ветки уже не цеплялись за куртку, кустов стало меньше. Тропа вилась между валунами, уходила чуть влево, потом вниз. В одном месте под ногами мелькнули старые, почти ушедшие в землю доски. Будто здесь когда-то был настил. Или дорога. Или что-то ещё, чему давно не место в живом лесу.

И вот тогда он увидел свет.

Сначала решил, что показалось.

Потом остановился и понял — нет.

Между деревьями впереди, совсем низко, мерцало тёплое жёлтое пятно. Не солнце. Не отражение. Не машина.

Огонь.

У Серёги внутри сразу всё собралось в тугую, неприятный ком.

С одной стороны — живые люди.

И это хорошо.

С другой — какие нормальные люди сидят с огнём в таком лесу, в таком месте, на такой тропе, которой нет на дороге?

Он сделал ещё несколько шагов.

Очень осторожно.

И лес вдруг закончился.

Не совсем. Но разошёлся так, что впереди открылась небольшая поляна.

А на поляне стояла хижина.

Низкая.

Кособокая.

С крышей, потемневшей от времени.

С маленьким окном, в котором действительно горел свет.

С крыльцом в две ступени.

И с таким видом, будто она стояла здесь всегда и никого не спрашивала, нравилось это кому-то или нет.

У Серёги по спине пробежал ледяной холод.

Потому что хижина была не просто странной.

Она была не отсюда.

Не в смысле “волшебная” — до этого слово его бы только разозлило.

Просто в ней всё было немного не так.

Слишком низкая дверь.

Слишком тёмные брёвна.

Слишком неподвижный свет в окне.

И полное отсутствие любых следов обычной жизни:

ни дымка из трубы,

ни дров у стены,

ни ведра,

ни тряпки,

ни собаки,

ни малейшего шевеления вокруг.

Дом, в котором кто-то есть.

И при этом нет никого.

— Ну всё, — очень тихо сказал Серёга. — Вот теперь уже точно пора назад.

И тут изнутри снова раздался смех.

Совсем близко.

Женский.

Не громкий.

Короткий.

И такой, будто кто-то внутри прекрасно знает, что он уже дошёл и теперь отступать ему будет стыдно.

Это сработало мгновенно.

Серёга почувствовал, как страх почти сразу превращается в знакомую раздражённую злость.

Потому что если над ним сейчас и правда решили так по-дурацки подшутить, то это уже было слишком.

— Очень смешно! — крикнул он. — Прямо обхохочешься!

Тишина.

Потом внутри что-то скрипнуло.

Как будто ножка стула по полу.

Он стоял у края поляны, дышал чуть чаще, чем хотел бы, и пытался решить сразу две вещи:

бежать ли назад к Лене

или пойти и уже наконец выяснить, кто тут вообще так живёт и почему в лесу без предупреждения ставят декорации к плохому сну.

Решил, конечно, второе.

Потому что человек редко совершает самую разумную из доступных ему ошибок.

Он пересёк поляну быстро.

Почти нарочно грубо.

Сапоги чавкнули по мокрой земле, доски крыльца скрипнули под весом.

На секунду Серёга задержал руку над дверью.

Сердце билось уже не от злости.

От чего-то другого.

Тревожного.

Очень древнего.

Такого, какое человек обычно чувствует не головой, а спиной и животом.

— Ладно, — выдохнул он.

И толкнул дверь.

Она открылась легко.

Внутри было тепло.

Слишком тепло для такой хижины.

Не жарко — именно тепло, как будто помещение давно держало внутри один и тот же воздух и не собиралось выпускать его наружу. Запах стоял старый: воск, дерево, пыль, немного сырости и что-то травяное, давно выветрившееся, но ещё живое в углах.

Комната была почти пустой.

Стол.

Один стул.

Свеча в тяжёлом подсвечнике.

И книга.

Большая.

Старая.

Тёмная.

Лежала на столе так, будто всё остальное в комнате существовало только ради неё.

Серёга медленно прикрыл за собой дверь и огляделся.

Никого.

Ни в углу.

Ни за печкой.

Ни за занавеской, которой тут, впрочем, тоже не было.

И от этого стало ещё хуже.

Смех он слышал.

Свет видел.

Дверь открыта.

А внутри — пусто.

— Эй! — сказал он уже громче. — Есть кто?

Тишина.

Свеча горела ровно.

Пламя даже не дрожало.

И почему-то именно это пламя напугало его сильнее всего.

Огонь в живом доме всегда чуть движется. От сквозняка, от чьего-то шага, от дыхания, от чего угодно. А здесь он стоял неподвижно, как нарисованный.

Серёга сделал шаг к столу.

Потом ещё один.

Книга притягивала взгляд так, как иногда притягивает вещь, которую ты не понимаешь, но уже заранее знаешь — лучше бы не трогать.

Переплёт был чёрный, почти без рисунка.

Только на углах — тусклый металл.

И тонкий, едва заметный узор по середине, похожий то ли на трещину, то ли на вышивку.

Он протянул руку.

Потом отдёрнул.

— Да ну тебя, — сказал он книге, как живой.

И в этот момент за спиной тихо скрипнула дверь.

Серёга развернулся так быстро, что чуть не задел локтем

свечу.

Никого.

Дверь была закрыта.

Но он точно слышал звук.

Воздух в комнате вдруг стал ещё гуще.

Теплее.

Тяжелее.

Так бывает перед обмороком, когда мир ещё на месте, но уже начинает смотреть на тебя чуть под другим углом.

Серёга сглотнул.

Сердце колотилось так, что было слышно в ушах.

Он должен был выйти.

Сразу.

Без объяснений.

Без гордости.

Без “ещё минутку”.

Должен был.

Но вместо этого снова посмотрел на книгу.

А она — или ему показалось? — была уже чуть приоткрыта.

Совсем немного.

На толщину пальца.

Он не помнил, чтобы так было секунду назад.

— Нет, — сказал Серёга очень тихо.

И всё равно подошёл ближе.

Склонился над столом.

Пальцы сами легли на край переплёта.

Книга была тёплой.

Не комнатной температуры.

Именно тёплой.

Как будто её кто-то держал совсем недавно.

Вот тут надо было отступить.

Без вариантов.

Но что-то внутри — то ли упрямство, то ли остаточная злость с утра, то ли какое-то совсем идиотское человеческое желание уже понять, раз зашёл так далеко, — толкнуло его вперёд.

Серёга открыл книгу.

И мир сразу пошёл кругом.

Не образно.

По-настоящему.

Комната качнулась.

Свеча вытянулась жёлтой полосой.

Стены поплыли.

Тепло в лицо ударило горячей волной.

Под ногами исчез пол.

Он успел только коротко, страшно подумать:

Лена.

А потом всё закружилось так, будто его не просто бросили в обморок, а выдернули из одного мира и резко потащили в другой, не спросив, удобно ли ему вообще.

Последнее, что он услышал, был уже не смех.

Шорох шагов снаружи.

Много голосов.

И чей-то холодный, спокойный женский голос:

— Живой. Успели.

Потом пришла темнота.

Глава 4. Те, кто ждали

Сначала пришёл холод.

Не тот сырой лесной, который пробирается под куртку и держится за лопатки, пока человек не войдёт в тепло. Этот холод был железным. Жёстким. Чужим. Будто Серёгу положили на камень и забыли, что люди вообще-то не ножи и не подковы.

Потом пришла боль в затылке.

Потом тяжесть во рту, как после слишком крепкого лекарства или плохого сна, из которого тебя выдёргивают раньше времени.

И только потом, медленно, как неохотно открывающийся сарайный замок, пришло сознание.

Серёга попытался вдохнуть глубже и понял, что лежит на спине.

Руки неудобно сведены.

Запястья стянуты.

Под боком — что-то жёсткое.

Под щекой — холодная поверхность, пахнущая пылью, сыростью и старым камнем.

Он не открыл глаза сразу.

Потому что в голове ещё была хижина.

Книга.

Лена на дороге.

Смех.

И то жуткое ощущение, с которым мир вдруг перестал быть нормальным.

Мозг очень не любил такие переходы.

Он вообще любил, чтобы всё шло по порядку:

утро,

ссора,

дорога,

поломка машины,

лес,

домой.

А не так, чтобы после леса вдруг шли камень, цепи и чужие голоса.

Голоса, кстати, уже были.

Где-то рядом.

Мужские.

Два точно, может, три.

Говорили негромко, на каком-то странном языке, который Серёга сначала даже принял за смесь деревенского говора и дурного сна.

Слова звучали грубо, но при этом знакомо — как если бы русский язык однажды давно ушёл жить в лес, одичал там, обзавёлся железом и вернулся не совсем похожим на себя.

Он открыл глаза.

Потолок был каменный.

Низкий.

Сводчатый.

С чёрными пятнами копоти.

Справа на стене горел факел.

Настоящий.

Не лампочка, не свечка, а именно факел, от которого шёл дым и оранжевый дрожащий свет.

— Охренеть, — сказал Серёга хрипло.

Голоса сразу замолчали.

Он повернул голову.

И увидел двоих.

Оба в кожаных доспешных куртках.

Оба с мечами.

Оба бородатые, небритые, крепкие, как люди, которые не знают, что такое сидячая работа и запись к остеопату за три недели.

Один постарше, с седой щетиной и шрамом через бровь.

Второй моложе, рыжий, с лицом такого человека, который и без слов очень любит применять силу для поддержания порядка.

Они смотрели на него спокойно.

Не удивлённо.

И не так, как смотрят на случайную находку.

Скорее как на груз, который наконец доехал в нужном состоянии.

Вот это пугало сильнее всего.

— Ну слава богу, очнулся, — сказал Серёга автоматиче-

ски. — А теперь кто-нибудь мне объяснит, что за цирк и где моя жена?

Ни один из двоих не ответил.

Они переглянулись.

Потом старший что-то сказал младшему на своём странном языке.

Тот хмыкнул, подошёл ближе и без лишней церемонии поднял Серёгу за плечо в сидячее положение.

Вот тогда Серёга почувствовал цепи по-настоящему.

Запястья были стянуты железом.

Не наручники даже.

Хуже — грубая кованая цепь, переброшенная через кольцо в стене.

— Эй! — дёрнулся он. — Вы чего, совсем?!

Рыжий что-то ответил.

По тону — неуважительное.

— Да я вижу, что ты умный, — огрызнулся Серёга. — Только я тебя не понимаю, дружок.

Старший подошёл ближе.

Присел на корточки перед ним.

Несколько секунд вглядывался в лицо так внимательно, будто сверял с каким-то внутренним описанием.

Потом сказал по-русски.

Сильно ломаному, тяжёлому, но всё-таки по-русски:

— Имя.

Серёга даже моргнул от неожиданности.

— Чего?

— Имя, — повторил старший. — Твоё.

— А с чего я вам должен...

Рыжий резко дёрнул цепь вверх.

Железо врезалось в запястья.

Серёга зашипел сквозь зубы.

— Отлично, — сказал он. — Прекрасное начало знакомства.

Старший не изменился в лице.

— Имя.

Вот теперь уже стало по-настоящему нехорошо.

Потому что если один из них знает русский, значит, это не сон и не обморок в машине. Значит, он где-то, где русский язык уже был. Когда-то. Каким-то образом. И от этого вместо облегчения стало только страшнее.

— Сергей, — сказал он. — Серёга. Сергей Синицын.

Старший смотрел ещё секунду.

Потом кивнул.

Встал.

Снова заговорил на своём языке с рыжим.

Тот ответил коротко.

И, кажется, без восторга.

Серёга сидел, прислонившись спиной к стене, и пытался понять хоть что-нибудь.

Комната была маленькая.

Каменная.

Похожая не то на подвал, не то на старую караулку.

В углу — бадья с водой.

У стены — лавка.

На полу — солома, уже потемневшая и слежавшаяся.

Дверь — тяжёлая, деревянная, с поперечными железными полосами.

Никаких окон.

Никаких признаков Лены.

От этого внутри начало подниматься уже не раздражение, а холодная паника, которой он до сих пор толком не давал хода.

— Где моя жена? — спросил Серёга.

Старший посмотрел на него.

Понял.

Но ответил не сразу.

Потом сказал:

— Нет жены здесь.

— В смысле нет?!

— Нет.

— А где она?!

Старший пожал плечом.

Вот это был, пожалуй, самый страшный жест из всех возможных.

Потому что в нём не было ни злости, ни насмешки, ни желания мучить.

Только простое равнодушие человека, для которого во-

просы пленника о его жене не входят в рабочие обязанности.

— Вы что со мной сделали? — спросил Серёга уже тише.

И снова — никакого ответа.

Рыжий отошёл к двери, отпер её и выглянул наружу. Оттуда сразу донеслись звуки, которых раньше Серёга не слышал:

голоса,

железо,

шаги,

далёкий лай,

и где-то ещё — крик птицы, резкий и дикий.

Не город.

Не трасса.

Не Россия, какой он её знал.

Что-то другое.

Старший, уже у двери, обернулся к нему и сказал:

— Сиди тихо.

— Да куда я, по-твоему, денусь?! Я у вас к стене прикручен!

Рыжий усмехнулся.

Старший не отреагировал вообще.

Они вышли.

Дверь за ними закрылась.

Засов глухо встал снаружи.

И только когда их шаги удалились, Серёга наконец остался один.

Несколько секунд он просто сидел.

Потом резко дёрнул цепь.

Раз.

Другой.

Железо звякнуло, но даже не подумало поддаться.

— Отлично, — выдохнул он. — Великолепно. Прямо всё как я люблю.

Он снова дёрнул.

Сильнее.

Ноль.

Запястья уже ныли.

Голова после удара и обморока всё ещё плавала.

Во рту пересохло.

А главное — в голове было слишком мало порядка для человека, который привык сначала понимать, а потом злиться.

Сейчас злость уже была.

Понимания не было вообще.

Он закрыл глаза.

Попытался вспомнить всё по порядку.

Утро.

Ссора.

Дорога.

Машина.

Лес.

Смех.

Хижина.

Книга.

Лена.

Вот на этом месте всё внутри сжалось так, что он даже перестал дёргать цепь.

Что с ней?

Она осталась у машины.

Одна.

На той неправильной дороге.

И он, как последний идиот, полез в лес на чей-то смех, оставив её там.

— Твою мать, — прошептал он.

Это уже было не ругательство.

Почти молитва.

Он заставил себя дышать ровнее.

Нет.

Сейчас нельзя разваливаться.

Паника — это роскошь, которую в кино любят красиво показывать крупным планом. В реальности от неё только сохнет рот и тупеют решения.

Нужно было думать.

Если он жив — значит, нужен.

Если его не зарезали сразу, а притащили сюда и спрашивали имя — значит, он зачем-то нужен особенно.

Это плохо, но пока полезно.

Значит, сначала не геройствовать.

Сначала смотреть, слушать и понять, где он вообще.

Серёга огляделся внимательнее.

На стене рядом с кольцом, в которое уходила цепь, были царапины.

Старые.

Много.

Как будто до него тут уже кто-то сидел, причём не один раз.

На полу у лавки — обломок глиняной чашки.

Под самой стеной — тёмное пятно.

Старое.

Очень похоже на кровь, если не строить из себя оптимиста.

— Ну замечательно, — сказал он вслух. — Прямо санаторий.

Голос собственный, хриплый и злой, чуть помог.

Пока человек шутит, даже плохо, он ещё не до конца превратился в кусок страха.

Он потянулся к бадье с водой, насколько позволяла цепь.

Не дотянулся.

— Да вы издеваетесь.

Пришлось лечь на бок, вытянуться, почти уткнуться плечом в пол и всё-таки зацепить край бадьи носком ботинка. Та медленно, с противным скрипом по камню, сдвинулась ближе.

Вода была холодная и пахла железом.

Он пил жадно, прямо так, как смог, наклоняясь и черпая

ладонью.

Часть пролил на футболку.

Часть попала на подбородок.

Но стало легче.

Хотя бы голова начала работать яснее.

И именно тогда, когда он снова сел у стены, снаружи в коридоре раздались новые шаги.

Эти были легче.

Не старший.

Не рыжий.

Кто-то другой.

Шаги остановились у двери.

Засов не открыли.

Сначала просто постояли.

Потом тихо постучали.

Серёга замер.

— Очень вежливо, — пробормотал он.

Засов всё-таки сдвинулся.

Дверь открылась.

На пороге стоял человек, которого он меньше всего ожидал здесь увидеть.

Русский.

Это он понял сразу, ещё до первого слова.

По лицу.

По глазам.

По тому, как человек держал плечи.

По совершенно домашней усталости в выражении.

Лет сорока пяти, может, чуть больше.

Худой.

Щёки в щетине.

Волосы тёмные, но уже с сединой на висках.

Одет странно — в местную грубую одежду, но сидела она на нём как форма, которую давно пришлось принять, а не выбрать.

Мужик посмотрел на Серёгу.

Тот — на него.

И оба несколько секунд молчали с тем самым невозможным, почти детским ошеломлением, которое бывает, когда среди полной невозможности вдруг видишь что-то родное.

Потом вошедший сказал:

— Ох ты ж ёлки... и правда русский.

У Серёги на секунду чуть не подкосилось всё внутри.

— Ты кто? — спросил он.

Мужик прикрыл дверь, подошёл ближе и присел на лавку.

— Николай, — сказал он. — А ты, я так понимаю, новый счастливчик.

— Какой, к чёрту, счастливчик? Где я вообще?

Николай посмотрел на цепь, на его запястья, на разбитый затылок и вдруг криво усмехнулся.

— Ну, если в самом общем смысле, то в заднице.

Серёга неожиданно для самого себя даже выдохнул что-то похожее на нервный смешок.

Потому что голос, интонация и это совершенно родное мужское определение ситуации звучали настолько по-земному, что мозг на секунду поверил: да, пока рядом есть такой человек, можно не сойти с ума хотя бы ближайшие десять минут.

— Очень смешно, — сказал Серёга. — А если подробнее? Николай помолчал.

Потом ответил:

— Если подробнее, то ты не дома. И не рядом с домом. И дорога назад у тебя теперь сильно сложнее, чем хотелось бы.

Серёга смотрел на него молча.

— Нет, — сказал он наконец.

— Да.

— Нет, — повторил Серёга уже жёстче. — Давай без этой херни. Меня вырубили, куда-то привезли, я понял. Но не надо мне сейчас устраивать спектакль. Где я?

Николай почесал бровь.

Смотрел на него уже не с иронией, а почти с сочувствием.

— Я сам так же орал, — сказал он. — Прямо слово в слово почти. Только у меня вместо рыбалки была поездка в налоговую.

Серёга моргнул.

— Что?

— Потом расскажу. Сейчас главное — не ори и не дёргайся слишком. Они думают, что ты важный.

— Кто — они?

— Те, кто тебя притащили. Местные хорошие люди с очень плохими привычками.

— Что значит “важный”?

Николай вздохнул.

— Это, брат, и есть самое хреновое.

Он оглянулся на дверь, потом наклонился ближе и сказал тише:

— Тебя ждали.

У Серёги по спине прошёл холод.

Тот самый.

Из леса.

Из хижины.

Из всего этого утра.

— Кто?

Николай пожал плечом.

— Те, кому ты зачем-то нужен. А если человека в таком месте ждут заранее — это почти никогда не к добру.

Серёга сидел, не отводя от него взгляда.

— И ты хочешь сказать, — начал он медленно, — что это всё не сон?

— Да.

— Не бред?

— Нет.

— Не психушка?

Николай даже усмехнулся.

— Хотелось бы. Там хотя бы режим понятнее.

— Тогда где я?

Николай очень устало посмотрел в пол.

Потом снова на него.

— В другом мире, Серёга.

Тишина.

Потом Серёга сказал:

— Пошёл ты.

Николай кивнул.

— Абсолютно нормальная реакция.

— Нет, серьёзно. Пошёл ты.

— И это тоже.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Тогда скажи нормально.

— Я и говорю нормально. Просто то, что я говорю, звучит как бред, я в курсе. Но ты всё равно уже здесь.

Серёга отвернулся к стене и тихо, очень чётко выругался.

Потом ещё раз.

Подлиннее.

Потом посмотрел обратно на Николая.

— Слушай. Давай так. Или ты мне сейчас по-человечески объясняешь, что происходит, или я решаю, что ты местный псих с хорошим русским.

— Очень справедливо, — сказал Николай. — Только времени у нас немного.

— Да говори уже!

Николай снова глянул на дверь.

Потом сказал:

— Ты попал туда, где есть ведьмы, крепости, старые дороги, дрянь из воды, плохие леса и очень неудачные способы умирать. Мне самому это не нравится, но факт есть факт. Я здесь семь лет. До меня сюда ещё народ проваливался. Редко. Но бывало. Кто-то выживал. Кто-то — нет. Ты пока живой. Это уже плюс.

— Семь лет?.. — выдохнул Серёга.

— Ага.

— Ты русский?

— Из Тулы.

— Да ладно.

— Клянусь пряником, — сухо ответил Николай.

И от этой совершенно дурацкой, земной фразы у Серёги вдруг окончательно перестало получаться держаться за версию про розыгрыш.

Потому что так нелепо врать в настолько идиотской ситуации мог либо настоящий русский, либо гений театра. А на гения театра Николай не тянул.

Он тянул на человека, который слишком долго жил в каком-то очень плохом месте и потому давно научился шутить только сухо и по делу.

— Где Лена? — спросил Серёга.

Вот теперь Николай помрачнел по-настоящему.

— Не знаю.

— Она осталась на дороге.

— Тогда либо ещё там, либо нет.

— Что значит “либо нет”?

— То и значит.

— Да ты можешь не разговаривать загадками?!

Николай вдруг резко наклонился вперёд.

— А ты можешь уже начать понимать, что у тебя ситуация не “меня отвезли в соседний район”? — прошипел он.
— Здесь либо быстро умнеют, либо быстро заканчиваются. И я сейчас трачу на тебя время только потому, что слышать нормальную речь приятно, а ещё потому, что если тебя правда ждали, значит, ты не простой несчастный идиот, а чей-то отдельный замысел. А отдельный замысел — это всегда опаснее обычного.

Тишина после этого вышла короткой.

Но тяжёлой.

Серёга смотрел на него и чувствовал, как внутри всё медленно, очень нехорошо оседает.

Потому что именно так обычно и говорит правда:

не красиво,

не удобно,

не так, как человеку хотелось бы,

зато сразу по ребру.

— Ладно, — сказал он наконец. — Допустим. Допустим, я тебе верю. Пока. Что дальше?

Николай открыл рот, чтобы ответить.

Но не успел.

Снаружи в коридоре загремел засов.

Оба повернули головы к двери.

Николай сразу встал.

И вот по тому, как быстро он встал и как мгновенно ушло с его лица всё человеческое тепло, которое давала родная речь, Серёга понял:

сейчас войдут те, с кем уже не получится спорить как с сумасшедшими.

Дверь распахнулась.

На пороге стояли всё тот же старший со шрамом и рыжий.

А за ними — ещё двое, уже в кольчугах и с копьями.

Старший посмотрел сначала на Николая.

Потом на Серёгу.

Потом коротко сказал что-то жёсткое.

Николай кивнул.

Обернулся к Серёге.

И очень устало сказал по-русски:

— Ну всё. Плохая новость: сейчас тебя поведут. Очень плохая: похоже, не просто в сарай, а к кому-то, кто и правда долго тебя ждал.

Серёга выпрямился у стены.

— А хорошая есть?

Николай секунду подумал.

— Пока ждал — значит, пока не убьёт сразу.

— Охрененная хорошая новость.

— Других тут обычно не завозят.

Рыжий подошёл, схватил Серёгу за цепь и дёрнул вверх.

На этот раз Серёга не стал строить из себя героя.

Поднялся.

Потому что когда вокруг четыре вооружённых мужика, а ты ещё даже не до конца понял, в каком мире тебя вообще собираются использовать, лучше пока не изображать кино.

— Ну ладно, — пробормотал он, вставая. — Пойдём посмотрим, кто там у вас такой любопытный.

Но сердце уже билось так, будто прекрасно знало:

сейчас начнётся не просто знакомство с новым миром.

Сейчас его впервые поведут в ту часть чужой жизни, где он с самого начала был не случайностью.

Глава 5. Крепость на сером холме

Вывели его наружу через узкий каменный коридор, пахнувший сыростью, железом и старыми дровами.

После факельной полутьмы свет ударил в глаза так резко, что Серёга на секунду зажмурился. А когда открыл — сначала не понял ничего.

Небо было неправильным.

Не потому что другого цвета. Обычное серое небо, хмурое, с тяжёлыми облаками. Но свет под ним был иной — суше, жёстче, будто воздух очищен не дождём, а холодом. И всё вокруг, от камня под ногами до далёких холмов, выглядело слишком чётким, как картинка после плохого сна.

Они стояли во дворе крепости.

Настоящей.

Не музейной, не киношной, не стилизованной под “что-то старинное для туристов”, а живой, тяжёлой, рабочей крепости, в которой люди действительно живут, ссорятся, воюют, жрут, спят и умирают. Каменные стены поднимались по краям двора серыми, сбитыми временем зубьями. Над воротами торчала деревянная надстройка с часовыми. Слева — конюшни, откуда тянуло лошадьми, сеном и навозом. Справа — длинный сарай, возле которого двое мужиков точили что-то на колесе. Дальше — кузница, откуда доносился звон. Повсюду — люди в грубой одежде, кожаных куртках, коль-

чугах, плащах. Кто-то тащил мешки. Кто-то ругался. Кто-то вёл лошадь. Кто-то просто стоял и смотрел на него так, как смотрят на товар, о котором уже ходят слухи.

Серёга даже остановился.

Рыжий тут же дёрнул его за цепь.

— Иду я, иду, — огрызнулся он автоматически.

Николай шёл рядом, уже опять с тем лицом, какое бывает у людей, давно умеющих жить в месте, которое им всё равно не нравится. Старший со шрамом шёл впереди, не оглядываясь.

— Это что... реально крепость? — спросил Серёга сквозь зубы.

— А ты думал, декорации? — буркнул Николай.

— Я вообще до последнего думал, что у меня сотрясение и очень плохой сон.

— Нормально. Я первые три дня был уверен, что умер в маршрутке.

— Почему в маршрутке?

— Потом расскажу. Не сейчас.

По двору на них смотрели открыто.

Особенно на Серёгу.

Он чувствовал это кожей.

Взгляды были разные:

настороженные,

злые,

любопытные,

почти суеверные.

У одной пожилой женщины в тёмном платке он заметил даже откровенный страх — она быстро перекрестилась каким-то местным, непривычным жестом и тут же отвернулась.

— Что, у вас тут так на всех новых смотрят? — спросил он.

Николай усмехнулся уголком рта.

— Нет. Только на тех, кого заранее ждали.

Вот опять.

Это “ждали” всё время лезло в голову занозой.

Старший довёл их до внутренней башни — самой высокой во дворе, квадратной, с узкими окнами-бойницами. У входа стояли двое часовых с копьями. Один, увидев Серёгу, хмуро сплюнул в сторону, как будто заранее выражал отношение ко всему происходящему.

Старший сказал им несколько слов. Те кивнули.

Внутри башни оказалось теплее, но не уютнее. Каменная лестница шла по кругу вверх. Ступени были неровные, стёртые, и Серёга пару раз едва не оступился, потому что идти с цепью на руках и при этом ещё пытаться смотреть по сторонам — задача не для воспитанных людей.

А смотреть было на что.

Через узкие окна по мере подъёма открывался вид на окрестности. Серёга хватал взглядом всё подряд, как утопающий воздух.

За крепостью тянулись холмы.

Сухая трава.

Тёмные леса.

Дороги, похожие на тонкие серые шрамы.

Далеко справа — что-то вроде реки.

Ещё дальше — деревня или посёлок, серые пятна крыш.

Мир был большой.

Настоящий.

И это было, пожалуй, самое страшное.

Потому что когда человек попадает в бред, тот обычно не бывает таким подробным.

На третьем пролёте им встретилась женщина.

Высокая.

Стройная.

В тёмно-синем платье под дорожным плащом.

Собранные волосы.

Очень светлое лицо.

И глаза — спокойные, внимательные, серые.

Она остановилась, пропуская их, но при виде Серёги задержала взгляд чуть дольше, чем требовала вежливость.

В её лице не было ни страха, ни дешёвого любопытства.

Только быстрая, точная оценка.

А потом ещё что-то, чего он не понял.

— Это кто? — шёпотом спросил Серёга у Николая.

— Не оборачивайся слишком, — так же тихо ответил тот.

— Потом.

— Да кто это?

— Потом, сказал.

Женщина уже шла дальше вниз, и всё же Серёга успел заметить одну странность:

на её правом запястье, на секунду мелькнувшем из-под рукава, блеснула цепочка.

Тонкая.

Серебристая.

И почему-то очень неуместная на фоне грубого камня, кольчуг и копий.

— Потом так потом, — пробормотал он.

Они поднялись ещё выше.

На самом верху башни была дверь, перед которой старший остановился, постучал и, не дожидаясь ответа, открыл.

— Ну конечно, — тихо сказал Серёга. — А я всё жду, когда здесь начнут соблюдать хоть какие-то нормы приличия.

Николай ничего не ответил.

Комната наверху оказалась неожиданно светлой.

Большая.

С двумя узкими окнами.

С длинным столом.

Картами на стене.

Полкой с книгами.

Камином без огня.

И человеком у окна.

Когда он обернулся, Серёга сразу понял две вещи.

Первая: этот здесь главный.

Вторая: главные в любом мире почему-то всегда выглядят так, будто уже устали от чужих проблем, но всё равно вынуждены в них участвовать.

Мужчине было лет пятьдесят, может чуть меньше. Высокий, плечистый, с тёмными, уже тронутыми сединой волосами и жёстким лицом человека, который слишком много раз принимал решения между плохим и очень плохим. Одет он был не пышно, но добротнo: тёмная туника, ремень, нож у бедра, длинный плащ, перекинутый через спинку стула.

Глаза у него были холодные.

Не злые.

Хуже.

Собранные.

Он посмотрел на Серёгу, потом на Николая, потом на старшего со шрамом.

— Это он? — спросил мужчина.

И говорил уже не на том странном местном, а по-русски.

Лучше Николая.

Чище.

Хотя с тяжёлой, жёсткой интонацией.

Серёга даже сбился на секунду.

— О, да вы тут, я смотрю, клуб любителей русского языка.

Николай тихо прикрыл глаза.

— Не начинай, — пробормотал он.

Мужчина подошёл ближе.

Посмотрел на Серёгу с расстояния в шаг.

Слишком внимательно.

Так, будто искал не черты лица, а что-то под кожей.

— Имя? — спросил он.

— Уже спрашивали.

— Повторишь.

— А если нет?

Старший со шрамом чуть сдвинулся.

Николай, не поднимая головы, очень тихо сказал:

— Повтори. Сейчас не время.

Серёга перевёл взгляд с одного на другого.

Потом, сдерживая раздражение, сказал:

— Сергей Алексеевич Синицын.

Мужчина кивнул.

— Возраст?

— Тридцать пять.

— Мир?

Вот тут Серёга даже растерялся.

— Что “мир”?

— Ты из-за Завесы. Из какого мира?

— Из нормального, — огрызнулся Серёга. — Где люди сначала объясняются, а потом цепи надевают.

Николай всё-таки усмехнулся.

Мужчина не изменился в лице.

— Москва?

— Нет.

— Значит, не столица.

— А тебе-то какое дело?

— Ответ.

— Россия.

Мужчина коротко кивнул, словно галочку поставил.

— Хорошо.

— Да что тут хорошего-то?!

— Что совпало.

В комнате стало тихо.

Серёга почувствовал, как внутри снова неприятно шевельнулось это слово:

совпало.

То есть всё-таки не случайность.

Не “попался под руку”.

Что-то было нужно именно такое.

И он этим “таким” оказался.

— Кто ты вообще? — спросил Серёга.

Мужчина несколько секунд молчал.

Потом ответил:

— Гунтер Рейн.

— Очень приятно. А дальше?

— Комендант этой крепости.

— Ага. Ну наконец. Хоть один представился по-человечески.

— Тебе этого достаточно.

— Нет, мне вообще-то хотелось бы начать с пункта, где ты

объясняешь, почему я в цепях, где моя жена и какого чёрта я не у себя дома.

Гунтер посмотрел на него так, как взрослые люди иногда смотрят на тех, кто ещё не понял, что право задавать вопросы и право получать ответы — не одно и то же.

— Жена? — спросил он наконец.

— Да. Лена. Она была со мной на дороге.

Николай чуть отвёл взгляд.

Старший со шрамом смотрел в пол.

И только Гунтер остался таким же неподвижным.

— Мы нашли только тебя, — сказал он.

Внутри у Серёги словно провалилось что-то.

— Что значит “только меня”?

— То и значит.

— Нет. Подожди. Мы вместе ехали. Машина встала. Она осталась у дороги. Ты хочешь сказать, вы притащили меня, а её там оставили?

— Мы никого не “тащили”, — сухо сказал Гунтер. — Тебя взяли там, где ты появился.

— Где появился?!

— В доме.

Тишина.

У Серёги по спине прошёл холод.

— В хижине? — спросил он уже тише.

— Да.

— А дорога? Машина? Лес?

Гунтер посмотрел на Николая.

Тот очень незаметно пожал плечом, как бы говоря: “сам разбирайся”.

— Дома, через которые проходят из-за Завесы, редко пускают двоих одинаково, — сказал Гунтер.

— Ты сейчас что несёшь?!

— То, что если женщина и была с тобой рядом до порога, это не значит, что она перешла туда же, куда ты.

Серёга уставился на него.

Этого было слишком много.

Слишком быстро.

Слишком безумно даже для этого дня.

— Нет, — сказал он. — Нет. Ты врёшь. Или сам не понимаешь, что говоришь.

— Может быть, — неожиданно спокойно ответил Гунтер.

— Но ты всё равно здесь.

И вот с этим было не поспорить.

Это раздражало сильнее всего.

Потому что когда у человека рушится привычная реальность, он очень хочет хотя бы одного — поймать кого-то на очевидной глупости и этим вернуть себе почву. Но сейчас все главные факты были против него:

камень под ногами был настоящим,

цепь на руках — тоже,

крепость за окном — настоящая,

русский мужик Николай — тоже.

Даже если всё остальное безумие, оно было слишком осязаемым.

— Ладно, — сказал Серёга хрипло. — Хорошо. Допустим. Чего вы от меня хотите?

На этот раз Гунтер ответил не сразу.

Он подошёл к столу, взял что-то вроде свёрнутой ткани и вернулся с ней обратно.

Развернул.

Это оказался кусок старой тёмной вышивки.

Узор на ней шёл сложный, мелкий, будто кто-то долго, терпеливо вплетал в ткань не цветы и орнаменты, а какую-то непонятную письменность.

И от одного взгляда на эту вышивку Серёге вдруг стало дурно.

Не сильно.

На секунду.

Словно под ключицей кто-то ткнул холодной иглой.

Он вздрогнул.

Это заметили все.

Гунтер — особенно.

— Вот, — сказал он тихо. — Значит, не ошиблись.

Серёга уставился на ткань.

— Что это за дрянь?

— Твоё подтверждение.

— Чего, к чёрту, подтверждение?

— Что ты и есть тот, кого ждали.

Николай очень тихо выдохнул сквозь зубы.

Будто сам не рад был слышать это вслух.

— Слушай, — сказал Серёга. — Я уже начинаю уставать от этой фразы. Кто меня ждал? Зачем? Я что, похож на подарок судьбы?

— Нет, — сказал Гунтер. — На беду.

Вот тут Серёга не выдержал и нервно рассмеялся.

Коротко.

Глухо.

— Прекрасно. Просто прекрасно. С утра меня жена повезла к тётке, потом сломалась машина, потом лес, потом хижина, теперь я в крепости в другом мире, а я у вас, оказывается, ещё и беда. Что дальше? Налоговая с копьями?

Николай всё-таки фыркнул.

Даже старший со шрамом на секунду дёрнул щекой.

Только Гунтер оставался каменным.

— Дальше, — сказал он, — ты посидишь тихо, пока я решу, вести тебя сразу к ведьме или сначала дать тебе время не умереть от собственного непонимания.

Слово ведьма повисло в комнате отдельно.

Серёга замер.

— К кому?

— К той, кто велела ждать именно тебя.

— Нет, — сказал Серёга. — Нет. Вот туда я точно не пойду.

— Пойдёшь.

— Не пойду.

— Тогда тебя отведут.

— Ты мне сейчас угрожаешь?

Гунтер посмотрел на него очень спокойно.

— Нет. Объясняю порядок вещей.

И именно от этого спокойствия по спине у Серёги пробежал новый холодок.

Потому что в голосе Гунтера не было злого удовольствия.

Это хуже.

Значит, он и правда просто констатировал, как здесь всё устроено.

А устроено было, похоже, плохо.

Его отвели обратно вниз почти сразу.

Не в ту же камеру.

В соседнюю.

Побольше.

С окном под потолком.

Без цепи к стене, но с засовом снаружи.

— О, — сказал Серёга, когда дверь закрылась. — Апгрейд условий.

Николай, которого оставили с ним на пару минут, хмыкнул.

— Не обольщайся. Это не потому, что ты им понравился. Это потому, что тебя теперь боятся испортить раньше времени.

— Слушай, — Серёга повернулся к нему. — Ты вот ре-

ально семь лет здесь?

— Да.

— И всё это время...

— Да.

— И ты не шутишь?

Николай посмотрел на него с той странной смесью усталости и иронии, которая бывает у людей, слишком давно проживших в дурной реальности.

— Я шучу постоянно, — сказал он. — Иначе тут вообще кукуха съезжает. Но про главное — не шучу.

Серёга сел на лавку.

Потёр лицо ладонями.

— Хорошо. Тогда быстро. Где я? Что за крепость? Кто такой Гунтер? И почему тут ведьма заранее хочет меня видеть?

Николай опёрся плечом о стену.

— Где ты — если очень коротко, в пограничье княжества Райн. Это здесь не самое худшее место, хотя на вид не скажешь. Крепость называется Грейн. Гунтер — местный комендант. Мужик тяжёлый, но не дурак. А почему тебя хочет видеть ведьма... — Он помолчал. — Вот этого я пока, если честно, и сам хотел бы понять.

— А ты зачем ей нужен был?

— Я? — Николай усмехнулся. — Я сюда попал случайно и не так удачно. Меня не ждали. Меня нашли полуживого в лесу. А тебя, судя по их мордам, именно что ждали.

Серёга посмотрел на дверь.

Потом снова на него.

— Это вообще нормально — ведьмы, крепости, другое... всё это?

— Нормально здесь то, что к ненормальному быстро привыкаешь, — ответил Николай.

— Очень вдохновляюще.

— Я стараюсь.

Ненадолго замолчали.

Потом Серёга спросил:

— Ту женщину на лестнице... кто она?

Николай прищурился.

— Уже заметил?

— Да.

— Милена.

— И?

— И всё. Пока тебе этого хватит.

— Вы тут что, все сговорились отвечать половиной фразы?

— Это полезная привычка. Здесь слишком много слов иногда стоят слишком дорого.

— Да уж, страна чудес.

Николай оттолкнулся от стены.

— Отдохни, если сможешь. Скорее всего, ведьма будет смотреть тебя к вечеру или ночью.

— “Смотреть” — это как врач?

— Нет, — сказал Николай. — Гораздо неприятнее.

И вышел.

Дверь закрылась.

Засов встал.

А Серёга остался один в холодной каменной комнате, где уже не было цепи, но всё равно было ясно: свободы ему это не прибавило ни на грамм.

Он лёг на лавку, положил руки под голову и уставился в потолок.

Снаружи гремела крепость.

За окном серело чужое небо.

Где-то, возможно, по этому же миру ходила ведьма, которая зачем-то ждала именно его.

А где-то, возможно, в совсем другом мире, у неправильной лесной дороги всё ещё стояла Лена — или уже не стояла, и от этой мысли было так плохо, что он даже не мог долго её удерживать.

— Ну вот и съездил к тёще, — сказал он потолку.

Потолок, конечно, не ответил.

Но где-то глубоко внутри, совсем под сердцем, на секунду снова кольнуло холодком.

Словно кто-то аккуратно тронул его изнутри и проверил, на месте ли он.

Серёга резко сел.

Прижал ладонь к груди.

Кольнуло ещё раз.

Тоньше.

Слабее.

Но точно.

— Да ну нет, — прошептал он.

Он не знал, что это.

Пока ещё не знал.

Но именно с этого маленького, почти незаметного укола и началось то, что позже в этом мире станут называть его меткой.

Глава 6. Николай из Тулы и первый вечер в Грейне

Второй раз Николай пришёл уже ближе к вечеру.

За окном под самым потолком свет стал тусклее, серее, а сама комната — холоднее. День в крепости, похоже, жил шумно, но умирал быстро. Далеко снаружи уже звенела кузница в последний раз, кто-то ругался у ворот, лошади в конюшне тяжело били копытами, а в коридоре время от времени проходили сапоги стражи.

Серёга за эти часы успел сделать всё, что обычно делает человек, оказавшийся в плену в чужом мире:

походить из угла в угол,
попробовать плечом дверь,
проверить окно,
ещё раз мысленно прокрутить всё, что случилось,
ещё раз выругаться,
попробовать уснуть,
не уснуть,

и окончательно понять, что чем больше он пытается собрать происходящее в логичную картинку, тем больше картинка показывает ему средний палец.

А ещё он несколько раз ловил то странное внутреннее покалывание под ключицей.

Слабое.

Короткое.

Словно внутри него сидела очень тонкая заноза изо льда.

Первый раз — когда мимо двери кто-то пронёс ту самую тёмную вышивку.

Второй — когда в коридоре прозвучал какой-то резкий женский голос, который он не разобрал.

Третий — совсем без причины, когда он просто сидел и смотрел на стену.

Каждый раз ощущение исчезало быстро.

Но уже успело его достать.

— Да что ж ты такое, — пробормотал он, потирая грудь.

В этот момент и открылся засов.

Николай вошёл с миской, кружкой и видом человека, который не несёт пленнику еду, а отбывает часть очень старого, плохо оплачиваемого долга.

— Ужин, — сказал он. — Не ресторан, но и не помои. Сегодня тебе везёт.

Серёга сел на лавке.

— От тебя это звучит особенно обнадеживающе.

— Я в местной системе общепита давно потерял веру, но иногда бывают чудеса.

Он поставил миску на столик у стены.

Там оказалась густая похлёбка с крупой, мясом и луком, кусок чёрного хлеба и кружка с чем-то тёмным, похожим на отвар.

Пахло всё неожиданно честно.

Грубо, но съедобно.

Желудок, до этого молчавший от стресса, тут же вспомнил, что с утра у него были только кофе и злость.

— Ну хоть это нормально, — сказал Серёга, беря ложку.

Николай уселся на противоположную лавку, вытянул ноги и устало привалился к стене.

— Ешь. Потом, если повезёт, будет время поговорить до того, как тебя потащат наверх.

— К ведьме, — мрачно сказал Серёга.

— Да.

— А если не повезёт?

— Тогда сначала потащат, а поговорим уже потом. Если ты после этого ещё сможешь нормально ругаться.

— Ты умеешь подбодрить.

— У меня талант.

Некоторое время Серёга просто ел.

Похлёбка действительно была хорошей.

Густой.

Сытной.

Тёплой.

И это почему-то ещё сильнее подчёркивало весь ужас положения. Человек легче терпит абсурд, когда вокруг всё тоже абсурдно. А вот когда ты сидишь в каменной комнате в другом мире, ешь нормальный суп и слушаешь, как за стеной кто-то кашляет совершенно по-человечески, становится

особенно ясно: это теперь не бред. Это быт.

— Слушай, — сказал он, отложив ложку. — Рассказывай.

Николай прикрыл глаза.

— Что именно?

— Всё.

— Очень широкий запрос.

— Ну тогда с тебя начнём. Ты как сюда попал?

Николай усмехнулся.

Без радости.

— По-глупому.

— Это уже роднит.

— Я серьёзно. Семь лет назад мне было тридцать восемь, я ехал из Тулы в Москву разбираться с одной крайне тупой бухгалтерской историей, на пересадке сел не в ту маршрутку, потом заснул, проснулся — уже не там. Сначала думал, что водитель меня высадил где-то у чёрта на куличках. Потом увидел лес. Потом — избушку. Потом — людей с копьями. Дальше всё примерно как у тебя, только без комендантского интереса и без особой ценности для ведьмы.

— И всё? Просто вот так?

— А что ты хочешь? Чтобы я тебе красивую мистику выдал? — Николай пожал плечом. — Здесь почти все попаданцы сначала думают, что за ними есть особый высший смысл. А потом выясняется, что смысл есть не в них, а в том, кто их утащил.

— “Почти все”? — переспросил Серёга.

— Ну, не толпами. Но бывают. За семь лет я видел ещё троих. Один недолго. Один женился на местной и теперь считает, что ему даже повезло, хотя я подозреваю, что он просто психика себе сэкономил. А третий пропал где-то к югу, полез куда не надо.

— Весёлая статистика.

— У нас тут вообще без санаторного настроения.

Серёга помолчал.

— И ты что, семь лет здесь живёшь просто вот так?

Николай задумчиво почесал щёку.

— Сначала не живёшь, а выживаешь. Потом начинаешь разбираться, где и кто тебя не зарежет просто так. Потом учишь язык. Потом понимаешь, как здесь устроены дороги, люди, еда, опасные места. Потом уже вроде и живёшь. Иногда даже почти нормально. А потом встречаешь очередного земляка и у тебя опять открывается старая дыра в голове, где всё ещё лежит электричка до Тулы, облезлый подъезд, “Пятёрочка” и разговоры о том, где дешевле запчасти.

Он говорил это сухо.

Но именно в этой сухости была такая густая тоска, что Серёга на секунду перестал чувствовать только свою собственную панику.

— Тебя домой не вернуть? — спросил он.

Николай усмехнулся.

— Если бы было так просто, я бы не сидел сейчас с тобой в крепости и не кормил тебя похлёбкой под ведьму.

Тишина.

Потом Серёга сказал:

— Ну да.

Снаружи в коридоре кто-то прошёл.

Николай подождал, пока шаги стихнут, и продолжил:

— Грейн вообще неплохое место. По здешним меркам.

Гунтер жёсткий, но не мясник. Платят, кормят, не пытаются без дела. Я ему в какой-то момент пригодился как человек, знающий и местный, и русский, а ещё способный считать и не врать каждый раз в мелочах. Так и прижился.

— А ведьма?

При этом слове Николай сразу посерьёзnel.

— Вот здесь уже интереснее.

— Я это уже понял.

— Не понял ты пока ни черта. И я, честно говоря, тоже не до конца. Но суть такая: в этих краях давно есть одна старая линия. Колодцы, леса, вышивки, ведьмы, вся эта дрянь. Иногда она шевелится сильнее, иногда тише. Последние месяцы — сильнее. Гунтер как раз из-за этого тут и держит крепость на таком режиме, будто завтра осада.

— А я тут при чём?

Николай посмотрел ему прямо в лицо.

— Вот это и есть главный вопрос. Потому что ты не просто “провалился”. Тебя ждали через конкретный дом. А через конкретный дом ждут только под задачу.

Серёга постучал пальцами по краю миски.

— То есть я у нас не случайная жертва, а адресная доставка.

— Ага.

— Спасибо. Очень помогает нервам.

— Всегда пожалуйста.

Ненадолго снова замолчали.

Потом Серёга вспомнил:

— Слушай. А та женщина на лестнице? Милена.

Николай хмыкнул.

— Всё-таки зацепился.

— Да говори уже.

— А что говорить. Милена — местная. Не совсем из крепости, скорее при Гунтере и при деле. Умная. Опасная. Со шрамами не на лице, а глубже. В чужие разговоры не лезет, но видит многое. И если она на тебя посмотрела дольше, чем на обычного дурака из-за Завесы, значит, тоже почувала, что ты тут не просто так.

— Очень мне этого не хватало.

— Поверь, это ещё хороший вариант. Хуже, когда люди не чувят и потом внезапно умирают.

— Ты умеешь держать беседу в светском тоне.

— Учился у жизни.

Серёга доел, отставил миску и потёр лицо ладонями.

Усталость накрывала медленно, но уверенно. Не только телом — головой. Слишком много нового за один день. Слишком много странного. И всё это без единой точки, за

которую можно нормально зацепиться.

— Гунтер сказал, что меня могут “вести наверх”, — вспомнил он. — Это что значит?

— Значит, ведьма, скорее всего, не здесь. Или не всегда здесь. Она приходит, когда хочет. Иногда через вещи. Иногда через людей. Иногда сама.

— Чудесно.

— Ага.

— И что она со мной будет делать?

Николай пожал плечом.

— Смотреть. Проверять. Спрашивать. Пытаться понять, почему ты совпал. Может, метить. Может, пугать. Может, вообще будет сидеть и улыбаться, а это, честно говоря, хуже всего.

— Метить? — переспросил Серёга.

Николай поморщился.

— Слушай, давай я тебе сейчас не буду всю энциклопедию местных ужасов в голову заливать. И так уже нормально за день.

— Нет уж. Давай лей. Мне как-то спокойнее, когда я хотя бы знаю, какие у меня варианты плохо закончиться.

Николай успел только открыть рот.

Засов снова грохнул.

Он мгновенно встал.

И на этот раз дверь открылась без стука.

На пороге стояла та самая женщина.

Милена.

Без плаща.

В тёмной простой одежде, без украшений, кроме тонкой цепочки на запястье.

Высокая, спокойная, бледная так, будто солнце в этих краях вообще считают дурным тоном.

За ней — старший со шрамом.

Серёга заметил ещё одну вещь:

когда она вошла, его снова кольнуло под ключицей.

Сильнее, чем раньше.

Тонко, но очень точно.

Он невольно дёрнулся.

Милена это увидела.

Глаза её чуть сузились.

Не от злости.

От внимания.

— Я же говорил, — тихо пробормотал Николай. — Не зря посмотрела.

— Что? — не понял Серёга.

— Ничего.

Милена перевела взгляд с него на Николая.

— Выйди.

— А если я хочу послушать? — без особой надежды спросил тот.

— Тогда я повторю не так вежливо.

Николай вздохнул с видом человека, который давно знает,

когда лучше не спорить.

— Ну ладно. Счастливы вам тут.

Он прошёл мимо неё к двери.

На секунду задержался у Серёги.

И очень тихо, так, чтобы слышал только он, сказал:

— Не шути слишком много. С ней это хуже работает.

— Поздно, — так же тихо ответил Серёга. — У меня это уже как защитный рефлекс.

Николай скривился:

— Соболезную.

И вышел.

Старший со шрамом закрыл дверь снаружи, но засов не поставил.

Милена осталась в комнате одна.

Серёга сидел на лавке, глядя на неё уже внимательнее.

Вблизи она казалась моложе, чем ему подумалось сначала.

Может, чуть за тридцать.

Лицо тонкое.

Губы бледные.

Взгляд спокойный до раздражения.

И при этом в ней не было ничего хрупкого.

Такие женщины не производят впечатление “нежности”.

Они производят впечатление человека, который много раз стоял на холоде, в плохих обстоятельствах и всё равно остался целым.

— Ну? — сказал Серёга первым. — Ты тоже будешь спра-

шивать имя или уже перейдём к чему-то оригинальнее?

Милена смотрела на него несколько секунд.

Потом сказала:

— Ты много говоришь, когда боишься.

Он даже моргнул.

— О, замечательно. Начали сразу с психоанализа.

— Нет. С наблюдения.

— А имя тебе не нужно?

— Нужно. Но я его уже знаю.

— Конечно. Очень удобно.

Она сделала шаг ближе.

— Ты чувствуешь укол под ключицей, когда рядом шовная вещь или человек, связанный с линией.

Серёга замолчал.

Вот теперь уже по-настоящему.

Потому что он никому, кроме себя, этого не говорил.

И сам ещё не успел толком оформить мысль, а она уже произнесла её как факт.

— С чего ты взяла? — спросил он наконец.

— Потому что ты дёрнулся, когда я вошла. И раньше — на лестнице, когда увидел меня. И, по словам Гунтера, так же среагировал на тёмную вышивку.

Он смотрел на неё, не отводя взгляда.

— И что это значит?

Милена чуть наклонила голову.

— Что ведьма, скорее всего, не ошиблась.

— Какая прекрасная у вас манера всё время начинать с самой хреновой части.

— Здесь редко бывает хорошая первая новость.

Серёга коротко усмехнулся.

Сам не желая того.

— Похоже, ты с Николаем в одном кружке по светской беседе занималась.

На этот раз в её лице мелькнуло почти незаметное удивление.

Как будто она не ожидала, что он будет ещё и шутить после всего.

— Возможно, — сказала Милена. — Но сейчас я не за этим.

— А за чем?

Она подошла ещё ближе.

Остановилась в шаге.

— Я хочу посмотреть, что именно в тебе откликнулось.

— Слушай, звучит это очень двусмысленно.

— Не для меня.

— Ну конечно.

Она не раздражалась.

И это почему-то бесило ещё сильнее.

— Дай руку, — сказала Милена.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы все сегодня с утра у меня только и де-

лаете, что что-то требуется. Имя, ответы, руки. Может, хоть кто-нибудь сначала объяснит, зачем.

Она выдержала паузу.

Потом сказала:

— Потому что если ведьма ждала именно тебя, а ты уже начал слышать линию, у нас осталось мало времени до того, как это услышит не только крепость.

Серёга вскинул голову.

— Я сейчас опять ничего не понял, но уже чувствую, что это плохо.

— Это плохо.

— Отлично.

Он всё-таки протянул руку.

Милена взяла его запястье.

Пальцы у неё были холодные.

Но не неприятно.

Скорее так, как бывает у человека, который долго работает не у огня, а с металлом, водой или лекарствами.

И в ту же секунду под ключицей кольнуло снова.

На этот раз намного сильнее.

Серёга вздрогнул.

Милена — нет.

Будто именно этого и ждала.

Её взгляд стал сосредоточеннее.

Темнее.

— Да, — сказала она тихо. — Есть.

— Что “есть”?

— Метка ещё не села, но путь уже открыт.

Он выдернул руку.

— Да хватит уже говорить загадками! Какая, к чёрту, метка? Какой путь? Я вообще с утра собирался на рыбалку!

На этот раз она всё-таки чуть выдохнула носом.

Не то смешок.

Не то тень усталости.

— Это я уже поняла.

— Да? И как тебе?

— Нелепо.

— Спасибо огромное.

— Зато честно.

Он смотрел на неё и чувствовал странную смесь.

Злость.

Растерянность.

Усталость.

И почему-то — облегчение.

Потому что она хотя бы не смотрела на него как на скот, груз или жертву. Скорее как на проблему. Серьёзную, живую, возможно очень опасную, но всё-таки проблему, а не вещь.

Это уже было неожиданно много для такого дня.

— Ладно, — сказал он. — Объясни по-нормальному. Я здесь зачем?

Милена молчала несколько секунд.

Потом ответила:

— Чтобы это понять, тебя и ждут.

И снова вышло не то чтобы ясно, но уже хотя бы не совсем бессмысленно.

Серёга прикрыл глаза ладонью.

— Господи.

— Здесь не очень помогают такими именами.

— У вас прямо всё против человека.

— Почти.

Она отступила на шаг.

— До ночи тебя не тронут. Потом, вероятно, будут смотреть.

— Кто?

— Старая.

— Ведьма?

— Да.

— И ты говоришь это так спокойно, будто у вас обычный рабочий график: после ужина проверить нового мужика из России на пригодность к проклятию.

— В общем, да.

Вот теперь он всё-таки рассмеялся.

Нервно.

Коротко.

От полнейшего бессилия.

— Ладно, — сказал Серёга. — Допустим. А ты кто в этой системе? Секретарь ада?

Впервые за всё время Милена чуть прищурилась.

— Осторожнее.

— Что, задел?

— Нет. Просто если бы я была тем, кем ты пытаешься это назвать, ты бы уже разговаривал хуже.

Тишина.

Потом Серёга неожиданно кивнул.

— Справедливо.

Она задержала на нём взгляд ещё на секунду.

Будто сама не ожидала, что он так быстро поймёт интонацию.

— Отдыхай, — сказала она. — И не пытайся бежать из крепости. Не получится.

— А если очень красиво?

— Тем более.

Она развернулась к двери.

— Эй, — окликнул её Серёга.

Милена остановилась.

Полуоборот.

— Что?

Он хотел спросить про Лену.

Про дом.

Про то, есть ли вообще шанс, что жена где-то жива и найдётся.

Но вместо этого почему-то спросил другое:

— Ты-то сама меня зачем смотрела?

Она молчала пару секунд.

Потом ответила:

— Потому что в последнее время всё слишком давно идёт к чему-то плохому. И я хотела понять, ты — причина или только следствие.

После этого она вышла.

Дверь закрылась.

А Серёга остался сидеть с ощущением, что день ещё даже близко не показал ему всего своего скверного характера.

Глава 7. Двор, меч и Бран

Ночь ведьма не пришла.

И это, как ни странно, было хуже ожидания.

Потому что когда человеку говорят “ночью тебя, скорее всего, будет смотреть старая ведьма”, он либо хочет, чтобы это уже случилось, либо чтобы кто-нибудь официально отменил мероприятие. А когда вместо этого просто приходит обычная чужая ночь с редкими шагами за дверью, холодом из окна и слишком большим количеством мыслей, мозг начинает работать против тебя.

Серёга почти не спал.

Проваливался на десять минут, просыпался, слушал крепость, снова закрывал глаза, снова вспоминал Лену, лес, хижину, слова Николая, лицо Милены и это новое гадкое покалывание под ключицей.

Под утро оно пришло снова.

Разбудило его так резко, будто кто-то ледяным шилом ткнул изнутри.

Он сел на лавке, тяжело дыша, и понял, что за дверью кто-то стоит.

Через секунду засов сдвинулся.

В комнату вошёл рыжий стражник.

За ним — Бран.

По крайней мере, именно это имя Серёга слышал позже.

Но тогда он просто увидел очень крупного мужика с топором за спиной, тяжёлой челюстью и таким видом, будто миру извиняться перед ним уже поздно.

Бран был выше почти всех, кого Серёга видел в крепости, широк в плечах, двигался экономно, как человек, давно знающий цену лишнему жесту. Волосы тёмные, коротко обранные. На левой щеке — старый белёсый рубец. Глаза — серо-зелёные, нехорошо спокойные.

Вошёл, окинул Серёгу взглядом и сказал первому стражнику что-то короткое.

Тот кивнул и отступил к двери.

— Вставай, — сказал Бран по-русски. Говорил он хуже Гунтера, но явно понимал многое.

— Доброе утро, — ответил Серёга. — А кофе будет?

Бран посмотрел на него так, будто прикидывал, это смелость или человек просто не умеет вовремя заткнуться.

— Вставай.

— Уже встаю. Вы у себя все с утра одинаково приветливы?

— Идти надо.

— К ведьме?

— Нет.

Серёга даже удивился.

— А куда?

— Во двор.

— Это уже звучит лучше.

— Не обольщайся.

Ему сняли цепь с запястий, но руки не освободили совсем — просто перевели на короткую сцепку спереди.

Серёга потёр натёртые места и вышел в коридор.

Утро в крепости было другим, чем вчера.

Светлее.

Жёстче.

Живее.

Во дворе уже вовсю шла обычная жизнь.

Пахло дымом, хлебом, лошадьми, мокрым камнем и потом.

Кто-то рубил дрова.

Кто-то таскал воду.

У стены двое молодых ребят тренировались с деревянными мечами под присмотром старика в кольчуге.

На башне сменялись часовые.

И всё это было настолько нормальным, что Серёга снова, уже почти по привычке, ощутил странный внутренний протест.

Ну не может другой мир быть таким.

Если уж безумие — так пусть хотя бы соответствует рекламной картинке.

А тут — крепость, быт, ругань, тренировки, миски, сапоги.

Обычная человеческая жизнь.

Только со слишком большим количеством оружия и очень плохой транспортной доступностью.

— Чего стоишь? — буркнул Бран.

— Да пытаюсь морально привыкнуть, что вы тут тоже просто работаете.

— Работают все.

— А умирают, видимо, чаще.

Бран ничего не ответил.

Его молчание Серёга уже начинал понимать.

Не тупое.

Не пустое.

Скорее такое, которое у очень сильных и неразговорчивых людей заменяет половину фраз.

Во двор они вышли к тренировочной площадке — утрамбованный круг земли у внутренней стены, с мишенями, стойками для оружия и деревянными чучелами, которые по виду пережили уже не один десяток местных педагогических методик.

Николай стоял там же, держа в руках кружку с чем-то горячим, и при виде Серёги поднял брови.

— О, живой. Приятно видеть.

— А я думал, меня ночью уже ведьма на проверку уволок.

— Не-а. Старая занята. Это, как ни странно, хорошая новость.

— А чего тогда меня сюда притащили?

Николай кивнул в сторону Брана.

— Тот хочет посмотреть, умеешь ли ты хоть как-нибудь

держать железо.

— Ящик с инструментами — да.

— Очень ценный навык, — сказал Николай. — Но, боюсь, тут несколько другой профиль.

Серёга повернулся к Брану.

— Слушай, я, конечно, всё понимаю, но у меня, если что, вчера ещё была работа, жена и рыбалка. Я не записывался в секцию мечевого фехтования для потерянных людей.

— Поэтому и проверим, — коротко сказал Бран.

— Что именно?

— Насколько ты бесполезный.

Николай закашлялся в кружку, пряча смех.

Серёга посмотрел на него.

— Ты, конечно, очень поддерживающий товарищ.

— Я бы на твоём месте сейчас не отвлекался. У Брана чувство юмора хуже, чем у коменданта.

— Это вообще возможно?

— Он живое доказательство.

Бран уже снял со стойки тренировочный меч — деревянный, тяжёлый, обмотанный кожей у рукояти.

Второй бросил Серёге.

Тот едва поймал.

— Ого.

Меч оказался тяжелее, чем выглядел.

Не как гантеля, конечно, но достаточно, чтобы сразу стало ясно: фильмы про героев, которые красиво машут оружием

с первого дубля, надо запретить как вредную ложь.

— Ну? — сказал Бран.

— Что “ну”?

— Стой.

— Я, по-твоему, сейчас что делаю?

— Не так.

— Очень содержательно.

Бран вздохнул.

Подошёл.

Без предупреждения пнул Серёге сапог изнутри, раздвигая стойку.

Потом рукой приподнял локоть.

Потом ткнул пальцем в запястье.

— Так.

— Можно было словами.

— Словами дольше.

— У вас тут что, на каждое взаимодействие один ответ — “так быстрее”?

— Да.

Серёга покосился на Николая.

— Скажи, что не все здесь такие.

— Нет, не все, — ответил тот. — Некоторые ещё хуже.

Бран отошёл на два шага.

— Бей.

— Кого?

— Меня.

— Ты серьёзно?

— Нет. Давай лучше траву.

— Слушай, я ж не идиот.

— Это пока не доказано.

У Серёги внутри опять шевельнулась раздражённая злость, и это, как ни странно, пошло делу на пользу.

Он шагнул вперёд и рубанул, как умел.

То есть грубо, от плеча, почти как колуном, а не мечом.

Бран ушёл в сторону на полшага, даже не поднимая своего оружия.

— Ещё.

Серёга ударил снова.

И снова.

На третий раз уже понял, что выглядит полным дураком.

На четвёртый начал злиться всерьёз.

На пятый вспотел.

Бран всё так же спокойно уходил, поправляя его стойку, один раз ткнул под локоть, один раз по ноге, а потом неожиданно выбил меч из рук.

Тот отлетел в пыль.

Николай уважительно присвистнул.

— Ну, — сказал он, — не безнадёжен.

— Он даже меня не задел! — возмутился Серёга.

— А я не про бой, — отозвался Николай. — А про то, что ты после третьего раза не бросил и не начал ныть.

— Это теперь у вас высокая оценка?

— По местным меркам — вполне.

Бран поднял меч, кинул обратно Серёге.

— Ещё.

— Ты издеваешься?

— Нет. Учишься.

— Я не просил.

— Уже поздно.

Серёга уставился на него.

Потом на Николая.

Потом на меч.

И неожиданно понял одну простую, крайне неприятную вещь.

Если он правда здесь надолго — а всё вокруг пока говорило именно об этом, — то умение махать руками в ссоре ему поможет гораздо меньше, чем умение держать хоть какое-то оружие.

От этого открытия настроение, конечно, лучше не стало.

Но спорить с ним было трудно.

— Ладно, — сказал он. — Давай ещё.

Бран коротко кивнул.

И вот так, под серым чужим небом, на пыльной площадке крепости Грейн, Сергей Алексеевич Синицын впервые в жизни начал учиться мечу.

Получалось отвратительно.

Ноги путались.

Плечо забивалось.

Запаястье ныло.

Меч казался то слишком тяжёлым, то слишком длинным, то вообще подозрительно живущим отдельной от хозяина жизнью.

Бран объяснял мало, но точно.

Поправлял жёстко.

Иногда бесил почти физически.

И всё же через какое-то время Серёга вдруг понял, что уже не просто машет палкой от злости, а начинает хотя бы ощущать, где у него тело, где вес, где опора.

Николай комментировал всё это с безопасного расстояния.

— О, смотри-ка, уже почти человек.

— Заткнись.

— Да я же подбадриваю.

— Ты и мёртвого достанешь.

— Значит, тренирую полезный навык.

Через полчаса Серёга уже дышал как паровоз.

Ещё через десять минут меч снова улетел в пыль.

Бран наконец сказал:

— Хватит.

И это прозвучало как официальное помилование.

Серёга согнулся, уперев руки в колени.

— Слушай... если у вас тут так каждое утро... я начинаю скучать по складу.

— Привыкнешь, — сухо сказал Бран.

— Не хочу.

— Уже не важно.

И вот именно в эту секунду Серёга снова почувствовал знакомый укол под ключицей.

Сильный.

Короткий.

Точный.

Он выпрямился.

Оглянулся.

На верхней галерее внутренней стены, возле лестницы, стояла Милена.

Она не подходила.

Просто смотрела вниз.

И сразу стало ясно, что покалывание было из-за неё.

— Да что ж такое, — тихо сказал Серёга.

— Что? — спросил Николай.

— Опять.

Тот проследил его взгляд.

Увидел Милену.

И помрачнел.

— Ага.

— “Ага” — это что значит?

— Это значит, что у тебя не просто нервы. Это значит, что линия тебя уже слышит.

— Да говори по-человечески!

Николай шумно выдохнул.

— По-человечески это значит: когда рядом что-то из ведьминой работы, ты начинаешь отзываться. И Милена, судя по всему, тоже по этой части не пустая.

— Очень мне надо было именно это узнать с утра.

— Ну извини. Других интересных новостей пока нет.

Бран тоже поднял голову к галерее.

Лицо его никак не изменилось, но Серёга уже понимал: этот человек замечает всё, просто не считает нужным каждое замеченное превращать в реплику.

Милена задержала взгляд на Серёге ещё на секунду.

Потом ушла.

Укол под ключицей сразу отпустил.

— Ну вот, — сказал Николай. — Теперь у нас хотя бы один вопрос стал чуть понятнее.

— Какой именно?

— Почему тебя так берегут до ведьмы.

Серёга вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Слушай, я уже начинаю скучать по тем временам, когда худшее в моём дне — это звонок тёщи.

Николай посмотрел на него внимательно.

— Ты всё про это говоришь.

— А что мне ещё говорить? — резко спросил Серёга. — У меня вчера была нормальная жизнь. Пусть не идеальная. Пусть с дурной работой, с тёщей и семейными разборками. Но нормальная. А сегодня я тут, у вас, с мечом, ведьмой и... — Он замолчал. — И я даже не знаю, жива ли Лена.

Последняя фраза вышла тише.

Гораздо тише.

Николай отвёл взгляд.

— Не знаю, — сказал он честно. — Но пока ты живой, это ещё не самый плохой знак.

— Почему?

— Потому что иногда такие переходы не рвут тех, кто рядом по-настоящему. Просто разводят по разным местам.

— То есть она может быть здесь?

Николай задумался.

— Может. А может — дома. А может — вообще где-то ещё. Завеса дрянь капризная.

— Очень утешительно.

— Да я и не утешаю. Просто говорю, как есть.

Бран взял у Серёги тренировочный меч и поставил обратно к стойке.

— Комендант хочет его к вечеру.

— Кого “его”? — спросил Серёга, хотя уже понял.

— Тебя.

Николай тихо сказал:

— Ну вот. Пошла нормальная программа.

И у Серёги внутри снова сжалось всё разом:

страх,

усталость,

раздражение,

и то странное чувство, что жизнь за какие-то сутки из

обычной семейной драмы превратилась в очень плохое предисловие к чему-то ещё гораздо хуже.

Глава 8. Вечер, которого лучше бы не было

К вечеру крепость стала тише.

Не потому что люди исчезли.

Просто день утомил всех до той степени, когда даже самые шумные начинают экономить слова. Двор серел, тени удлинялись, кузница отзвенела, из конюшни доносилось размеренное фырканье, а на башнях уже сменились часовые.

Серёге дали поест, дали воды и, к его удивлению, даже не заперли в прежней комнате сразу. После тренировки с Браном его оставили в маленьком боковом помещении у внутреннего двора — без окон, но с открытой дверью и стражником у порога.

— У вас тут, я смотрю, система наказаний очень творческая, — сказал он, садясь на лавку.

Стражник не ответил.

Серёга уже начал привыкать, что половина местных считает разговоры занятием подозрительным.

Плечо после меча ныло.

Ладони жгло.

Запястья от цепи до сих пор были натёрты.

Голова ещё иногда плавала.

И всё же после движения во дворе ему стало чуть легче.

Когда человек бежит, злится и получает палкой по рукам, в голове на время становится меньше места для бесполезного ужаса.

Николай пришёл к нему ближе к сумеркам.

Без стука, с кружкой тёмного отвара и лицом человека, который сам себе не нравится как носитель плохих новостей.

— Пей, — сказал он. — Для головы.

— Это чтобы я спокойнее шёл к ведьме или чтобы не блеванул по пути?

— И то, и другое.

Серёга взял кружку.

Понюхал.

— Выглядит как наказание.

— На вкус ещё убедительнее.

Он всё-таки отпил.

Гадость была редкая.

Горькая, травяная, с чем-то мятным и железистым одновременно.

— Фу, — сказал Серёга.

— Вот видишь. Уже возвращается нормальная человеческая реакция.

Николай сел рядом.

Некоторое время молчали.

Потом Серёга спросил:

— Ты боишься её?

Николай не стал уточнять, о ком речь.

— Да.

— Прямо вот так просто?

— А что тебе, красивую легенду выдать? — Он пожал плечами. — Да. Боюсь. Не как в детстве Бабу-ягу. Хуже. Потому что знаю, что она реальная.

— И при этом ты тут живёшь.

— А ты думаешь, в жизни люди всегда живут только там, где не страшно?

На это Серёге ответить было нечего.

— Какая она? — спросил он после паузы.

Николай задумался.

— Старшая... — Он усмехнулся без радости. — Самое мерзкое в ней то, что она не похожа на чудовище. Не орёт, не пускает пену, не смеётся громом. Она спокойная. Вежливая, когда хочет. Может разговаривать так, будто сидит с тобой за самоваром. И именно поэтому рядом с ней страшнее, чем с любой тварью из леса.

— Спасибо.

— Ты спросил.

— Я уже жалею.

— Поздно.

Серёга даже покосился на него.

— Вы у себя тут все одно и то же говорите, что ли?

— Это потому что работает.

Они оба ненадолго замолчали.

Потом Николай тихо сказал:

— Слушай меня внимательно. Если она начнёт говорить про Лену — не ведись сразу.

— Почему сразу про Лену?

— Потому что она полезет туда, где у тебя слабее. А сейчас слабее у тебя именно там.

У Серёги в груди неприятно заныло.

— Я не такой простой.

Николай повернул к нему голову.

— А она не первый десяток лет людей разбирает. Не думай, что у тебя есть какая-то уникальная броня из сарказма и среднего возраста.

— Очень поддержал.

— Я сегодня вообще в ударе.

Засов в коридоре грохнул так, что оба разом замолчали.

У двери появился старший со шрамом.

Посмотрел на Николая.

Потом на Серёгу.

Коротко сказал что-то на местном.

Николай выдохнул.

— Ну всё. Пошли.

— Прямо сейчас? — спросил Серёга, хотя и сам понимал, что да, именно сейчас, а не после десерта.

— А ты думал, тебя по записи через приложение пригласят?

— Надеялся.

Николай встал.

Стражник шагнул внутрь, надел Серёге на запястья цепь покороче прежней.

— Слушайте, — не выдержал тот, — я, конечно, человек терпеливый, но у вас тут реально всё через железо?

Старший со шрамом даже не посмотрел.

Николай тихо сказал:

— Иди спокойно. Не геройствуй раньше времени.

— Это ты мне сейчас от души или по инструкции?

— По жизненному опыту.

Вывели его не в башню.

И не в подвал.

А наружу, за внутренний двор, в дальнюю часть крепости, где Серёга днём ещё не был. Там, за вторым кольцом стены, стояла низкая круглая постройка из тёмного камня. Без окон. С одной дверью. С таким видом, будто её ставили не для жизни, а для чего-то другого, гораздо менее приятного.

У двери уже ждала Милена.

Без плаща.

В тёмной длинной одежде.

С тем же спокойным лицом.

Только теперь в этом лице было меньше обычной отстранённости и больше собранности. Как у врача перед сложной операцией или у человека, который идёт туда, где сам не очень хочет быть, но должен.

При виде неё у Серёги опять кольнуло под ключицей.

На этот раз особенно остро.

Он скривился.

— Да чтоб вас.

Милена сразу заметила.

— Сильнее?

— Ага. Прямо праздник ощущений.

Она чуть кивнула.

— Значит, уже близко.

— Я так понимаю, от хороших людей меня тут не колет.

— Правильно понимаешь.

И вот это её спокойствие снова почему-то бесило.

— Ты вообще всегда такая? — спросил он, пока старший открывал дверь. — Или только в моменты, когда чужую психику ведут на убой?

Она повернула к нему голову.

— Если бы я сейчас начала жалеть тебя лицом, тебе стало бы легче?

Серёга даже сбился на секунду.

Потом честно ответил:

— Нет.

— Тогда я экономлю силы.

С этим опять было нечего спорить.

Внутри круглой постройки было тепло.

Темнее, чем снаружи.

И пахло воском, железом, сушёными травами и чем-то ещё — тонким, сладким, как у старой ткани, долго пролежавшей в сундуке.

Комната оказалась не большой.

Круглой.

С низким сводом.

По стенам — полки с банками, связками трав, чашами, кувшинами.

На полу — вытертый узор, похожий на круг с несколькими расходящимися линиями.

Посреди — стол.

Не обеденный.

Слишком высокий.

Слишком узкий.

Слишком похожий на место, где человека кладут не для отдыха.

— Нет, — сказал Серёга сразу. — Вот на это я не ложусь.

— И не надо, — сказала Милена.

Старший со шрамом остался у двери.

Николай — тоже.

Только уже без шуток.

В дальней тени комнаты стояло кресло.

Сначала Серёга его не заметил.

А потом заметил.

Тяжёлое.

Резное.

С высокими подлокотниками.

И с такой спинкой, будто её делали не для удобства, а для того, чтобы человек в ней не забывал, что он тут не хозяин.

В кресле кто-то сидел.

Старуха.

Серёга увидел сперва руки.

Тонкие, сухие, в кольцах.

Лежат на подлокотниках спокойно, почти красиво.

Потом лицо.

Не морщинистое чудовище, не перекошенная бабка из детских сказок.

Нет.

Старая ведьма была именно женщиной.

Очень старой.

Очень худой.

С длинным носом, резкими скулами и глазами такого цвета, которого Серёга сначала даже не понял — серые они, светлые или просто почти бесцветные.

И вот эти глаза оказались хуже всего.

Потому что в них не было возраста.

Только внимание.

Спокойное, точное, бесконечно неприятное внимание человека, который уже решил, что имеет право смотреть на тебя как на вещь, которую давно искал.

— Подойди, — сказала старшая.

Голос у неё был низкий.

Не скрипучий.

Не злой.

Слишком живой.

Слишком человеческий.

Серёга остался стоять.

— Нет.

В комнате стало тихо.

Николай прикрыл глаза.

Старший со шрамом чуть сдвинулся.

Милена не пошевелилась.

А старшая просто посмотрела на Серёгу внимательнее.

— Значит, характер есть, — сказала она. — Хорошо. По-
дойди всё равно.

— А если я не люблю, когда мной командуют?

— Тогда тебе будет трудно здесь жить.

— Я пока не подписывался здесь жить.

— Уже не важно.

Вот это он сегодня слышал слишком часто.

— Слушайте, у вас тут на всё один ответ? — не выдержал
Серёга. — “Поздно”, “не важно”, “уже случилось”. Может,
кто-нибудь начнёт объяснять нормально?

Старшая неожиданно улыбнулась.

Очень слабо.

И от этого улыбка вышла даже страшнее, чем если бы она
вообще не умела.

— Ты смешной, — сказала ведьма. — С этим будет тяже-
лее.

— А вы, я смотрю, вообще не тёща.

У Николая за спиной вырвался какой-то задущенный

звук.

Не то кашель, не то попытка не засмеяться в самый неподходящий момент.

Милена впервые за весь вечер чуть прикрыла глаза, будто на секунду устала сильнее обычного.

Старшая же просто наклонила голову.

— Тёща?

— Ну да. Я, видите ли, к ней собирался, пока вы тут свои двери по лесам расставляли.

— Ах вот как, — сказала ведьма. — Значит, тебя вели через семью. Удобно.

У Серёги внутри всё неприятно сжалось.

— Что значит “вели”?

— Потом.

— Нет, давайте сейчас.

— Потом, — повторила старшая всё тем же спокойным тоном. — Сначала я посмотрю, что именно ты принёс с собой.

Она поднялась с кресла.

Двигалась она совсем тихо.

Легко.

Не как старуха.

Это было неправильно.

Очень.

Подошла ближе.

Серёга невольно напрягся всем телом.

Под ключицей уже не кололо.

Там теперь будто медленно поворачивали тонкий холодный ключ.

Старшая остановилась прямо перед ним.

Настолько близко, что он почувствовал запах её одежды — сухие травы, воск и старую бумагу.

Она подняла руку.

— Не дёргайся, — сказала Милена.

— А то что? — не выдержал он.

— А то будет больше, чем могло бы.

Вот это прозвучало без всякой мистики.

Просто как факт.

И почему-то именно это убедило сильнее всего.

Старшая коснулась пальцами его груди — чуть ниже ключицы.

Серёга дёрнулся всё равно.

Не от страха.

От боли.

Ощущение было таким, будто под кожу быстро вогнали ледяную иглу и сразу же провернули.

Он зашипел сквозь зубы.

Старуха не отдёрнула руки.

Наоборот — чуть надавила.

Мир на секунду поплыл.

Тёплая комната.

Лица.

Кресло.

Круг на полу.

И поверх этого — вышивка.

Чёрная нитка.

Лес.

Хижина.

Книга.

А потом вспышкой — женское лицо, которого он никогда не видел.

Молодое.

Бледное.

С очень тёмными глазами.

И почему-то сразу стало ясно, что оно связано со всем этим сильнее, чем он пока может понять.

Он резко вдохнул.

Картинка исчезла.

Старшая убрала руку.

— Да, — сказала она очень тихо. — Совсем как надо.

— Да что “как надо”?! — рявкнул Серёга, хватаясь за грудь.

Ведьма не ответила ему.

Смотрела не на лицо уже, а куда-то сквозь него.

— Милена, — сказала она. — Ты была права. Он слышит раньше, чем должен.

Милена коротко кивнула.

Николай выругался едва слышно.

Серёга смотрел то на одну, то на другую.

— А мне, может, кто-нибудь объяснит, что у вас тут за кружок по интересам вокруг моей грудной клетки?

Старшая наконец перевела на него взгляд.

— Тебя привели не случайно, Сергей Алексеевич.

От того, что она произнесла его имя и отчество так спокойно и точно, по спине пошёл холод.

— Я уже понял. Дальше.

— Дальше ты будешь жить.

— Как щедро.

— Если не станешь глупее, чем уже есть.

— Вот спасибо.

— И если не попробуешь бежать туда, где тебя тут же сожрут лес, вода или люди, которые хуже меня.

— Очень вдохновляющее предложение по сотрудничеству.

Старшая сделала полшага назад.

— Ты нужен.

— Зачем?

— Потом.

Серёга даже захохотал коротко от бессилия.

— Ну конечно. Как же я сразу не догадался.

Он посмотрел на Милену.

Потом на Николая.

Потом снова на ведьму.

— Слушайте. У меня, между прочим, жена где-то пропа-

ла. Нормальная жизнь исчезла. Меня сюда притащили как... я даже не знаю как что. И я теперь, значит, должен спокойно ждать, пока вы все решите, насколько именно я вам нужен?

Старшая посмотрела на него так же внимательно, как в начале.

И впервые в её лице мелькнуло что-то похожее на интерес, который выходит за рамки ремесла.

— А он ещё и злой, — сказала она. — Это полезно.

— Да вы издеваетесь.

— Нет. Просто давно не видела, чтобы через завесу приходили с таким количеством упрямства и такой ранней слышимостью.

— Вы можете нормально говорить?!

Старшая вздохнула.

Как будто он был не опасной редкостью, а просто шумным ребёнком.

— У тебя открывается метка. Пока ещё слабо. Через боль, укол, отклик. Это значит, что дом тебя принял. И что дальше путь уже пойдёт сам.

— Какой ещё путь?

— Куда нужно.

— А если я не хочу “куда нужно”?

Старшая улыбнулась опять — тонко, страшновато.

— Ты уже вошёл в ту часть мира, где желание и дорога не всегда совпадают.

Серёга смотрел на неё и вдруг совершенно ясно понял:

с этой женщиной невозможно спорить как с обычным человеком.

Не потому что она сильнее или страшнее.

Хуже.

Потому что она уже живёт в такой логике, где чужая воля для неё — всего лишь обстоятельство, а не граница.

И от этого стало страшно почти по-настоящему.

Не до крика.

До холода в животе.

— Забирайте его, — сказала старшая, поворачиваясь к креслу. — Сегодня хватит. Ночью не трогать. Завтра посмотрим, что он услышит сам.

— Я вам не собака, чтобы “услышать” по команде, — сказал Серёга.

— Нет, — ответила она, не оборачиваясь. — Ты гораздо хуже.

После этого спорить уже не было смысла.

Старший со шрамом шагнул к двери.

Николай тронул Серёгу за локоть.

Не грубо.

Почти по-земному.

— Пойдём.

Серёга вышел из круглой комнаты с ощущением, что его не просто посмотрели.

Его примерили.

Как вещь, которую давно ждали, но ещё не до конца уве-

рены, подойдёт ли по размеру.

И это было, пожалуй, самое мерзкое чувство за весь день.

Глава 9. Ночь после ведьмы

После встречи со старшей мир, как назло, не развалился. Именно это бесило сильнее всего.

Серёга ожидал чего угодно:

грому,

голосов в голове,

новой боли,

хотя бы символической молнии в башню для подтверждения серьёзности момента.

Но вместо этого его просто отвели обратно, заперли и оставили наедине с самой обычной чужой ночью.

Вот только он уже не был тем человеком, которого туда привели утром.

Он сидел на лавке, упёршись локтями в колени, и всё пытался собрать в голове один простой порядок:

ведьма,

метка,

дом принял,

путь пойдёт сам,

ты нужен.

Чем больше он эти слова перекладывал внутри, тем меньше они становились похожи на бред и тем больше — на приговор, составленный на языке, который ему пока не дали до конца выучить.

Под ключицей после прикосновения старшей горело.

Не постоянно.

Волнами.

Иногда слабее, как заноза, которую можно терпеть.

Иногда сильнее — так, что хотелось расцарапать грудь, лишь бы вытащить изнутри невидимую ледяную иглу.

Он уже дважды поднимал футболку и смотрел.

Ничего.

Кожа обычная.

Ни пятна, ни пореза.

А ощущение было такое, будто внутри него кто-то тонкой проволокой начал прошивать что-то своё.

— Ну давай, — сказал Серёга темноте. — Ещё хоть табличку повесь, чтобы понятнее было.

Темнота, разумеется, промолчала.

За дверью время от времени проходил стражник. Один раз донеслись пьяные голоса от двора. Потом всё стихло. Где-то наверху ударил колокол — глухо, три раза. Может, у них тут так считали часы. Может, просто напоминали людям, что ночь тоже часть службы.

Сон не шёл.

Когда человеку страшно, но страшно не в лоб, а медленно, сон обычно превращается в дорогую привилегию. Голова гоняет одно и то же по кругу, а тело только лежит и делает вид, что оно отдыхает.

Серёга лёг, повернулся на бок, потом на спину, потом сно-

ва сел.

И снова пришла Лена.

Не наяву.

В памяти.

Такая, как утром на кухне.

С чашкой.

С этим своим усталым лицом.

С фразой: “Иногда мне кажется, что ты живёшь так, будто тебе все всё время мешают.”

Он выругался вполголоса.

Не потому что злился на неё.

Потому что теперь любое воспоминание о нормальной жизни било вдвое сильнее.

Где она?

Жива?

Осталась там, у машины?

Вернулась домой?

Или тоже где-то здесь, только он пока ещё не знает?

Эти мысли были хуже ведьмы.

Потому что ведьма хотя бы была перед ним, с лицом и голосом.

А Лена превратилась в сплошную неизвестность, и с неизвестностью невозможно даже нормально поссориться.

Под утро он всё-таки уснул.

Ненадолго.

И сразу увидел сон.

Он снова стоял в хижине.

Свеча горела.

Книга лежала на столе.

Только теперь за столом сидела Лена.

Не жена, как он её знал.

Другая.

Моложе.

С тем самым бледным лицом из видения у ведьмы.

С тёмными глазами, в которых было слишком много
взрослого для такого молодого лица.

Она смотрела на него и медленно, очень спокойно, вышивала чёрной ниткой по серой ткани.

— Лен? — спросил он.

Она не ответила.

Только подняла ткань.

А на ткани была его грудь.

Не образно.

Не узор.

Прямо грудь, ключица, шея, сердце — и по ним шёл тём-
ный шов.

Серёга шагнул назад.

Пол под ногами поплыл.

Свеча дрогнула.

Лена наконец подняла взгляд и тихо сказала:

— Поздно.

Он проснулся сразу.

Резко.

С воздухом, застрявшим в горле.

За окном под потолком уже серело утро.

Под ключицей колело так сильно, что он на секунду все-рьёз подумал: вот сейчас рёбра откроются, а оттуда кто-нибудь спокойным голосом скажет “ну что, продолжим”.

— Да чтоб вас всех, — прошептал он.

И именно в этот момент дверь открылась.

На пороге стоял Николай.

С кружкой, хлебом и выражением лица человека, который увидел чужую физиономию после дурного сна и сразу понял, что ночь была так себе.

— О, — сказал он. — Поздравляю. Вид у тебя уже вполне местный.

— Это какой?

— Как у человека, которого жизнь потрогала без спроса. Серёга провёл ладонью по лицу.

— Ночью она меня не просто потрогала.

Николай вошёл, поставил еду на столик, сел напротив.

— Снилось?

— Да.

— Ей всем сначала снится.

— “Им всем” — это кому?

— Тем, кого дом или ведьма уже чуть зацепили.

Серёга посмотрел на него.

Долго.

— Ты вообще можешь хоть раз сказать что-нибудь, после чего у меня не начнёт портиться настроение ещё сильнее?

Николай задумался.

— Утром каша была ничего.

— Великолечно.

Они помолчали.

Потом Серёга всё-таки рассказал про сон.

Не подробно, без лишнего пафоса.

Просто как было:

хижина,

Лена,

вышивка,

шов по груди,

слово “поздно”.

Николай слушал молча.

Не перебивал.

И чем дальше слушал, тем меньше в его лице оставалось привычной сухой иронии.

— Ну? — спросил Серёга, когда закончил.

Николай выдохнул через нос.

— Это нехорошо.

— Спасибо. Не догадался бы.

— Я серьёзно. Если в первом отклике тебе пришла не старшая, а молодая...

— Какая молодая?

— Не знаю пока. Но это может значить, что в линии есть

кто-то ещё. Не только ведьма.

— “Может значить”. “Может”. “Пока”. Вы тут все, я смотрю, очень любите не договаривать.

— Потому что если я начну договаривать всё, ты, скорее всего, либо рехнёшься, либо полезешь делать глупости раньше времени.

— А сейчас я, значит, просто приятно напряжён.

Николай почти улыбнулся.

— Уже лучше.

Он встал, подошёл к окну под потолком, посмотрел на серый свет.

— Сегодня тебя, скорее всего, выпустят во двор.

— С чего такая милость?

— Гунтер не любит держать нужных людей просто в заперти, если можно посмотреть, что они делают на свободе.

— Я не “нужный человек”. Я потерянный мужик, которого с дороги утащили в дурной сон.

— Для тебя — да. Для них уже нет.

Серёга взял кружку.

Отвар был тёплый, горький и сразу вызвал желание жить скромнее.

— Слушай, — сказал он. — А почему ты мне вообще помогаешь?

Николай обернулся.

— А я помогаю?

— Ну, разговариваешь. Объясняешь. Не даёшь оконча-

тельно сбрендить.

Николай помолчал.

Потом пожал плечом.

— Потому что я тоже когда-то сидел вот так и хотел услышать от кого-нибудь по-русски не только “имя”. Потому что жалко тебя, если честно. И потому что если ведьма так долго ждала именно тебя, мне интересно, насколько именно мы все попали.

— Очень душевно.

— Я старался.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно, — сказал Николай уже тише, — тут быстро начинаешь ценить любого человека, который помнит, что такое маршрутка, шаверма и разговор с тётшей. Даже если этот человек только вчера всё это ещё имел, а сегодня уже нет.

После этого смеяться было нечем.

К обеду его действительно вывели во двор.

Без цепи к стене.

Но под присмотром.

И с очень ясным ощущением, что если он сейчас резко решит вернуть себе свободу бегом, свобода закончится у ближайшей стены.

Воздух был холоднее, чем вчера.

По двору тянуло дымом, варёным мясом и осенней, хотя по местным срокам вроде бы ещё не поздней, сыростью.

Грейн днём выглядел совсем по-другому, чем в первый шоковый подъём в башню.

Теперь Серёга успевал замечать детали:

как у ворот спорят двое стражников, один старый и один молодой;

как женщина в грубом сером платье несёт вёдра и при этом так смотрит на двоих солдат, что те сами отходят с дороги;

как мальчишка лет двенадцати, босой и худой, помогает в конюшне и шепчет что-то лошади в ухо;

как на стенах сушатся сети, шкуры и какая-то явно лечебная трава.

Это был живой мир.

Не картонка.

Не сцена.

И от этого возвращалось неприятное ощущение необратимости.

Он шёл через двор с Николаем и чувствовал на себе взгляды.

Чужие.

Настороженные.

Иногда откровенно недобрые.

— Почему на меня так пялятся? — спросил он.

— Потому что слухи уже пошли, — ответил Николай.

— Какие ещё слухи?

— Что через дом ведьмы пришёл человек из-за Завесы,

которого старая ждала сама.

— Ну и?

— И то, что в этих местах такие новости обычно не означают ничего доброго для простого населения.

— Отлично. Я тут ещё и общественная угроза.

— Пока только потенциальная.

— Спасибо. Мне стало спокойнее.

Они дошли до колодца у внутренней стены.

Николай показал, где брать воду, где не соваться, кому лучше не отвечать, если спрашивают слишком дружелюбно, и почему местная псарня — плохое место для прогулок.

— Запоминай, — сказал он. — Если уж ты тут на какое-то время, лучше быстро отличать обычную опасность от специальной.

— Прекрасно звучит.

— Зато полезно.

В этот момент из конюшни вышел Бран.

Он нёс седло на плече так, будто это была подушка.

Заметил их.

Остановился.

— Этот со мной после полудня, — сказал он Николаю.

— Опять?

— Опять.

Серёга сразу поднял руки.

— Нет. Нет. У нас, кажется, произошло недоразумение. Вчера это была разовая акция по унижению городского че-

ловека. Я не подписывался на абонемент.

— Теперь подписался, — коротко сказал Бран.

— Да вы издеваетесь.

— Нет. Учишься.

— У вас тут правда всё одной фразой объясняется?

Бран уже шёл дальше.

На ходу бросил через плечо:

— Хватит болтать. Во двор после солнца.

— Солнца-то нет, — буркнул Серёга.

— Тем более не пропустишь.

Николай проводил Брана взглядом.

— Он тебя, между прочим, уже почти уважает.

— Если это у вас уважение, я боюсь представить любовь.

— Правильно боишься.

После полудня Серёгу снова гоняли по площадке.

На этот раз Бран уже не проверял, а именно учил.

Жёстко.

Сухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.